

ЭЛЬДАР ГУРТУЕВ

Книжка
про
Хасана

в (БАНК) 2
1991.03.17
1991.

Гуртуев Э.
Г95 Книжка про Хасана: Повесть / Пер. с балкар. автора; Художн. Г. Паштов.— М.: Дет. лит., 1991.— 143 с.: ил.

ISBN 5—08—001493—8

Герой повести — деятельный, весёлый и любознательный балкарский мальчик.

Г $\frac{4803100100-340}{M101 (03)-91}$ 397—90

ББК84 Ба7

ISBN 5—08—001493—8

© Эльдар Гуртуев, текст. 1991
© Герман Паштов, иллюстрации. 1991

КТО ТАКОЙ ХАСАН?

Написать о Хасане я собирался давно. Но всё откладывал. А были тому свои причины. Во-первых, он был совсем маленький. Во-вторых, я не знал, с чего начать. И вот решил и хочу сообщить вам, что Хасан — мой сосед и самый обыкновенный мальчишка, каких в нашем селе немало. И всё же Хасан такой парень, что о нём стоит рассказать подробнее.

Живём мы с Хасаном совсем рядом, только низенький плетень разделяет наши дворы. Даже просыпаемся всегда в одно и то же время, когда горластый рыжий петух вскакивает на наш общий плетень и громко оповещает весь белый свет, что ночь давно кончилась и всем пора вставать, одеваться, умываться, завтракать.

Но речь не о петухе. Он своё дело делает исправно, за это мы ему все благодарны.

Прежде чем начать рассказ о своём соседе, я хочу, чтобы вы как следует представили селение, в котором мы живём. Мы так по старой привычке называем его селением. А на самом деле это теперь, можно сказать, маленький город. Трамваев у нас, конечно, нет, нет и троллейбусов. Стадион поменьше, чем в столице республики Нальчике. И дома пониже. И клуб только один.

Но зато... Зато из любого уголка нашего селения можно увидеть горы так близко, как не увидишь из Нальчика. Кажется, они вот-вот, рядом. Их сверкающие вершины утром розовые, днём белые, а вечером голубые. На самом-то деле они находятся не так близко, просто воздух у нас очень чистый, поэтому всё даже издали можно увидеть ясно.

А одно из самых красивых и интересных мест в нашем селе — это речка. Вы знаете, чем отличаются наши, горные, реки от равнинных? Наверное, не знаете. Поэтому я вам скажу: они умеют петь! И какие это звонкоголосые, весёлые певуньи! Можно подолгу сидеть на берегу, слушать их певучий говор, и он никогда не надоест. А зимой наша речка замерзает. И тогда на ней можно крутить хайнук. Так мы, балкарцы, называем юлу, сделанную из бычьего рога.

И ещё вот что интересно. На берегу речки растут высокие деревья, а на них иногда можно увидеть настоящих белок. Если не верите, приезжайте, увидите своими глазами. Мы с Хасаном выйдем встречать вас к поезду и будем рады каждому гостю. У нас всегда рады гостям.

Но вернёмся к Хасану.

Когда я с ним познакомился, он был такой маленький, что и штаны надевал только с маминой помощью. Расскажу лучше всё по порядку. Чтобы было понятно.

Вы знаете, что такое любознательность? Это когда человек хочет всё знать. Что как устроено: авторучка, швейная машина или маленький приёмничек, который называется транзистор.

Как только Хасан научился одеваться без посторонней помощи, он решил сам во всём разобраться. А это не так легко, если посчитать, сколько на рубашках и штанах всяких пуговиц и застёжек.

А ещё бывает трудно оттого, что он не всегда получает ответ на свои вопросы.

У папы на все вопросы один ответ: «Вот пойдёшь в школу, там тебе всё объяснят».

В школу! Когда это ещё будет! Рассказал бы лучше, думал Хасан, как в авторучку набирают чернила. Это же не то что в пузырьрёк налить. Тут всё по-другому. Опустят ручку в чернила, пёрышком вниз, покрутят-покрутят другой конец, и готово. Так что же получается: чернила снизу вверх льются, что ли? Пришлось ему унести ручку в свой уголок. А заодно и пузырьрёк с чернилами. Дело может получиться очень даже интересным. Когда делаешь своими руками, всегда интересно.

Ну конечно, Хасан сначала попробовал налить чернила в ручку сверху — пролилось на коврик и на штаны. Тогда попробовал так, как заправляет папа. По-всякому старался, а тут вдруг бабушка позвала его обедать. Это было так неожиданно, что Хасан вначале даже растерялся.

А перед обедом полагается мыть руки. По правде сказать, Хасан не очень любил мыться и когда мог, то старался обойтись без этого. Но теперь он сказал:

— Бабушка, давай помоем руки!

Бабушка стояла к нему спиной и резала хлеб. Она очень обрадовалась, услышав просьбу внука.

— Ах ты умница! Вот какой у меня внук! Чистоплотный мой ягнёночек.

От этих слов бабушки Хасану стало смешно, и он засмеялся. И тут-то бабушка повернулась к нему. Она сразу увидела... Вы, наверное, и сами догадались, что она увидела. Это был не Хасан, а огромная синяя клякса, которая смеялась и говорила человеческим голосом.

Я не стану рассказывать, что тогда началось. Хасан до

сих пор старается об этом больше не вспоминать. И чтобы он рассказал всё подробно, пришлось мне с ним немало помучиться. Под конец Хасан горько сказал:

— Вам смешно. А меня мама знаете как теперь называет? Не-ис-пра-вимый! А бабушка говорит, что я хоть и большой, а ума не набрался и что потом мне будет трудно, если я не исправлюсь. Она даже сказала, что меня в школу могут не принять. Туда принимают только ис-пра-вимых.

Хасан так расстроился, что я не стал его расспрашивать про швейную машину и транзистор. Может быть, придёт время, и он сам всё расскажет. Пока же вот всякие разные истории, которые удалось узнать.

Эти истории, может быть, не совсем по порядку идут. Но дело разве в этом? Главное, что они кое-чему научили Хасана. Это были немножко смешные, немножко грустные истории. Но одно точно — все они на самом деле приключились с Хасаном.

О ТОМ, КАК ХАСАН НЯНЧИЛ СВОЕГО БРАТА АЛИМА

Однажды мама сказала Хасану:

— Сынок, я скоро подарю тебе братишку, а может, сестрёнку.

Хасан страшно обрадовался. Он знал: мамино слово твёрдое. Сказала «подарю» — значит, подарит. Но очень он хотел, чтобы подарок этот был мальчишкой.

Ему повезло — так оно и получилось.

И вот братишку уже привезли домой, назвали Алимом. Он был такой маленький, что Хасану стало его жалко. И как его не жалеть! Бедняга, он умеет только есть, спать и реветь. Но что умеет, то умеет по-настоящему, ничего не скажешь. Особенно ревет здорово. Голосистый такой — даже со двора услышишь. Странно только то, что взрослые позволяют ему так реветь. Попробовал бы это сделать Хасан...

Но обижался Хасан совсем не на это. Обижался из-за того, что ни разу ему не дали братишку на руках подержать. Ведь мама сама говорила: «Подарю тебе!» А теперь только и слышишь: «Хасан, отойди! Хасан, не лезь к ребёнку! Хасан, у тебя грязные руки!»

Однажды мама всё же заметила, что Хасан ходит приунывший. Она обняла его и сказала тихим и загадочным голосом:

— Ты, сынок, не обижайся. Он ведь ещё совсем маленький. Подожди немножко. Чутьку подрастёт братишка, заодно и ты подрастёшь. Может быть, ещё не раз придётся просить тебя посидеть с ним, когда никого дома не будет. Ты посидишь с ним? Не правда ли?

Вот она какая, мама! Всегда найдёт что сказать. И Хасан ответил:

— Конечно. Только когда это будет?

— Скоро, скоро, — ответила мама.

И Хасан стал ждать. А пока всё присматривался к братишке и наконец признал, что малыш толковый. Сначала научился улыбаться. А когда человек умеет не только плакать, но и улыбаться — это уже хорошо. Потом научился поднимать ногу и тянуть ко рту. И как ему это удаётся? Однажды Хасан лёг на спину и тоже попробовал притянуть ногу к лицу. Ничего не получилось. Затрещали штаны, хрустнули суставы, но он так и не смог дотащить ногу до лица. Хасан так старался, что даже не заметил, как вошёл папа. Тот постоял немного молча, покачал головой и тихо спросил:

— Хасан, ты не того? — и покрутил пальцем возле виска.

Когда Хасан сказал, что хотел сделать, как Алимчик, отец вдруг начал так громко хохотать, что прибежали бабушка и мама и с удивлением посмотрели сначала на отца, потом на Алимчика и наконец на Хасана.

Время шло и шло. А долгожданный случай, как это всегда бывает, наступил совсем некстати.

Хасан сидел у телевизора, смотрел футбольный матч и больше всего на свете мечтал, чтобы его не трогали. Не звали обедать, не посылали за хлебом или ещё куда. И тут как раз мама выключила телевизор, подошла к Хасану и сказала почему-то очень тихо, почти таинственно:

— Сынок, нам с папой надо уйти. Бабушки нет дома, но она скоро должна вернуться. Посиди с братишкой, а если он заплачет, постарайся его развеселить. Ты это умеешь. Понял?

— Да ладно, мама, чего там. Уж я постараюсь, будьте уверены, Алимчику не будет скучно.

И они ушли. Хасан подошёл к брату. Спит. Можно включить телевизор. Нагрелся он что-то медленно, и в тот самый момент, когда изображение стало чётким, а звук громким, в ворота влетел мяч.

Стадион взревел. Хасан тоже закричал и захлопал в ладоши. Хотя не успел узнать, кто кому забил мяч.

Алимчик проснулся и заплакал.

Хасан подскочил к брату и, не отрывая глаз от экрана,

изо всех сил стал трясти кровать. Малыш на минуту умолк, огляделся и тут же заревел как следует. Не стало слышно ни комментатора, ни крика болельщиков.

— Алим, ну Алимчик... — Хасан потряс погремушку.

Кричит. Ещё сильнее кричит. Даже лицо стало красным.

— Ах ты маленький мой, ах ты хорошенький мой, телёночек, — забормотал Хасан, подражая бабушке.

Алим вытаращил глаза, увидел, что его хотят обмануть, и завизжал так пронзительно, что Хасан забыл и про телевизор.

— Алим, хочешь, я тебе песню спою? Только помолчи, дай посмотреть. — И он запел: — Резвятся на опушке ягнята и козлята-а...

Не помогает.

— Слушай, чего орёшь? На руки хочешь? Ну иди! Вместе посмотрим телевизор.

Хасан вытащил брата из постели и тут же понял, почему он кричит. В кровати было совсем мокро. Этого он не ожидал даже от маленького Алима. И как тут было не рас- теряться!

— Нашёл время! Тоже мне мужчина! И не стыдно?

Однако Хасан вспомнил, что в таком случае делали взрослые. Они меняли пелёнку и тащили малыша в ванную.

— Так! — сказал Хасан. — Пелёнку мы поменять всегда успеем. Пошли-ка мыться.

Дело становилось интересным. Даже, пожалуй, интереснее футбола. Он посадил Алима в широченный таз.

— Ну, Алимчик, мы сейчас искупаемся, и всё будет в порядке. Та-ак, тёплой воды нет. Ну ничего. Папа же говорит: если хочешь быть настоящим мужчиной, обливайся холодной водой. А ты, конечно, тоже мужчина, хоть и маленький. Мы сейчас устроим холодный душ. Как делает после зарядки папа. Он, папочка наш, понимает, что к чему. А как ты считаешь?

Но Алим был занят и не ответил. Он пытался засунуть в рот губку.

Тогда Хасан поволок Алима вместе с тазом на кухню и начал поливать водой из остывшего чайника. Алим взвизгнул и замолк. Может быть, он замолк ещё и потому, что увидел бабушку. Оглянувшись, Хасан тоже заметил, что на пороге стояла испуганная бабушка и держалась за сердце.

Самое неприятное было потом. Оказалось, что Алимчик не был пока настоящим мужчиной, не привык к холодной воде и заболел. Правда, почему-то он теперь плакал меньше. А если и плакал, то тихим и жалобным голоском. На бутылочку с соской, которую он раньше хватал двумя руками, теперь и смотреть не хотел. Кашу тоже не ел. А спал и вовсе мало. Бабушка и мама целый день и вечерами бегали вокруг него. В их глазах была и тревога, и жалость к этому маленькому человеку.

По два раза в день приходил врач. Он делал Алиму уколы, хмурился, потом долго шептался с мамой.

Хасана никто не ругал. С ним вообще перестали раз-

говаривать, будто его и вовсе не было. Так что ему тоже было не сладко. Да ещё и Алимчика жалко. Хоть плачь!

Так прошла неделя. Потом братишке стало получше, во всяком случае, он снова стал реветь во всю глотку. А это уже совсем не плохо. Соску он хватал так, что Хасан сразу понял: изголодался, бедняжка, во время болезни.

А когда, наевшись, Алим впервые улыбнулся, как по команде, все вокруг тоже заулыбались. Даже папа, который последние дни ходил совсем хмурым, повеселел.

«ЭСКАДРОН» ПОШЁЛ В НАСТУПЛЕНИЕ...

Вы заметили, когда именно по вечерам мама начинает вас прогонять от телевизора и укладывать спать? В самый интересный момент. Например, когда наш разведчик попадает в лапы к фашистам и сердце колотится от волнения: что же с ним будет дальше? А уж если она не успеет в этот момент выключить телевизор, то обязательно сделает это тогда, когда на экране завяжется бой, настоящий бой. И ласково скажет:

— Мальчик, не пора ли спать? Уже время. Так что ступай-ка скорее в постель. И не возражай.

Но в этот вечер Хасан был счастлив. У братишки стали прорезаться зубы, и все взрослые носились вокруг него и никого больше не замечали. Про Хасана забыли, и он досмотрел фильм до самого конца. Красные конники вихрем мчались на врага, шашки наголо — вжик, вжик! Белые убегали! А Хасан вместе с красноармейцами громко кричал «ура».

Потом пришла мама и, конечно, ахнула. Но ахать было уже поздно. Хасан спокойно встал и пошёл спать, твёрдо решив, что завтра с самого утра начнёт во дворе собирать этот, как его... эскадрон.

Ночью ему приснился чудесный сон. На белом коне летел он впереди бойцов и размахивал настоящей саблей. А вдали, на пригорке, стояли папа, мама, бабушка и кричали «ура».

Замечательный сон! Прямо как на самом деле.

Наутро оказалось, что почти все соседские ребята тоже смотрели этот фильм. Поэтому уговаривать вступить в «эскадрон» никого не пришлось.

Быстро оседлали кизилловые прутики, но тут поняли, что воевать не с кем. Один только несмышлёныш Махмут согласился быть беляком, и то потому, что ничего не понимал. А какой интерес воевать с Махмутом? Стоит ему погрозить кулаком — и он уже ревёт.

Задумались.

Выход, как всегда, нашёл Хасан. Он вскочил и крикнул:

— А ну, красные бойцы, стройся! И слушай мою команду...

И хотя командиром никто его не назначал, все построились.

— Самые храбрые — шаг вперёд! — скомандовал Хасан, стараясь, чтобы голос был не очень писклявым.

Все шагнули. Махмут шагнул последним, но зато трижды.

— Эскадро-он! — пропел Хасан. — За мной!

И эскадрон вылетел за калитку. Хасан вёл своих бойцов к реке, туда, где у маленького овражка густо росла крапива. Перед самой крапивой Хасан остановился.

— Бесстрашные бойцы! Красные конники! Перед нами враги, которых надо прогнать. — Он с силой хлестнул крапиву. — Вперёд, на врага! Ура-а-а! — И Хасан первым ринулся в самую гущу крапивы.

— Ура-а-а! — закричали бойцы и бросились вслед за ним.

Сверкали шашки. Враг, застигнутый врасплох, казалось, сдаётся без боя. Но, как известно, враг бывает коварным. Хасан почувствовал, как что-то больно обожгло ногу повыше ботинка. Нагнулся потерять укушенное место — сразу запылало всё лицо.

Тут Хасан увидел, что его доблестные бойцы начинают отступать. Первым заревел Махмут. Его рёв подхватил ещё один мальчишка из соседнего двора, который неизвестно когда примазался к эскадрону.

Мальчишки один за другим выбирались из крапивы, лица у них были красные, в слезах. Хуже всех было Махмуту. Во-первых, он был в майке, кроме того, у него руки и ноги такие пухленькие, что любая крапива могла их зажарить, как локумы. А круглое красное лицо его было мокро от слез.

В дороге Махмут совсем уж разревелся, и громкий его голос слышался издали. Его старались успокоить и так и эдак, но ничего не получалось. Тогда решили его нести как тяжелораненого — на руках. Он всё время чесал свои короткие, толстые ноги. Но главная неприятность ждала впереди. Как назло, у калитки наткнулись на Махмуту маму. Она прямо побелела, увидев своего сына на руках у мальчишек.

— Боже мой! Куда вы таскали моего мальчика? Махмут, бедный, что с тобой сделали? Это ты, это опять твоя затея, абрек несчастный!— вдруг накинута она на Хасана и выхватила Махмута из его рук.— У, шайтан! Я вот поговорю с твоим папашей, чтобы он ремнём прошёлся по тебе.

Но Хасан скорее побрёл домой, даже не дослушав сердитых слов женщины. Он сам вдруг почувствовал, что болит голова и ему не хочется ни на что смотреть. У него тоже страшно чесались ноги.

Правда, всё обошлось. Бабушка, узнав, в чём дело, натёрла Хасана отваром какой-то травы. А мама Махмута почему-то не пришла. Может быть, ей было некогда или все угрозы были сказаны сгоряча, а не по злобе.

ХАСАН БРОСАЕТ ГЛУПУЮ ПРИВЫЧКУ

1004724
Как бы там ни было, Хасан — счастливый человек. И знаете, почему? У него день рождения первого сентября. Подумайте только: самый большой школьный праздник — начало учебного года — и собственный праздник Хасана приходятся на один день. Правда, всю эту радость омрачала одна глупая привычка, которой Хасан и сам не помнил, когда научился. Теперь он старался от неё избавиться, но пока ничего не получалось. Сквернейшая привычка продолжала, как говорят взрослые, отравлять ему жизнь.

Об этой привычке надо рассказать отдельно.

Дело в том, что Хасан постоянно совал в рот всякие мелкие вещицы: монетку, пуговицу или ещё что-нибудь такое.

Сколько раз ругала его бабушка! Как-то даже всыпала ему. Это когда она всюду искала свой напёрсток, а он оказался у Хасана во рту.

Бабушка сказала:

— Вот проглотить что-нибудь и помрёшь в мучениях, так и знай. Или операцию придётся сделать. Живот разрезать.

Хасан выплюнул напёрсток и убежал во двор. С этой минуты он твёрдо решил бросить свою скверную привычку.

Время шло, но ничего не получалось. Хасан постоянно ловил себя на том, что часто тянет в рот всякую мелочь. А один раз спохватился, когда во рту оказалась булавка!

Приближался знаменательный день — первое сентября. Хасан очень волновался. Ещё бы не волноваться: читать он умел хорошо, но вот считал только до ста. А может, надо уметь считать до тысячи? Хотя мама говорит: пока не обязательно.

Наконец настал последний день августа. В этот день папа пришёл с работы совсем рано и подарил Хасану портфель. Портфель был такой красивый, что Хасан сначала даже за-

был сказать «спасибо». Блестящие уголки, блестящий замок, а к нему ключик! Вот это настоящий портфель! М-да, такого подарка он ещё не получал.

Потом и мама с бабушкой принесли подарки: «Арифметику» и даже маленькую авторучку. Бабушка, правда, сначала погрозила Хасану пальцем, а уж потом достала её, эту авторучку, из сумки.

Но главным всё-таки был портфель, про который даже мама сказала: «Да он и в самом деле замечательный». Хасан положил в него книжки, тетради, авторучку и запер на замок. Ключ положил в карман новенькой ученической формы и лишь тогда успокоился.

В этот вечер не надо было укладывать Хасана в постель. Он сам лёг пораньше. Взрослые говорили: чем раньше ляжешь, тем быстрее наступит утро. А им, взрослым, Хасан верил. Потому что, во-первых, они часто бывают правы, во-вторых, когда делаешь то, что велят они, спокойней.

И вот это долгожданное утро наконец наступило. Хасана причесали, нарядили, а волосы бабушка даже одеколоном побрызгала и сказала: «Может, с девочкой какой посадят». Это всех очень развеселило. Особенно отца.

В школу отправились всей семьёй, даже Алимчика взяли, и бабушка несла его на руках.

В этот день село стало нарядным, как во время праздника. Все — и дети и взрослые — были красиво одеты. И было много-много цветов. Во дворе школы между двумя длинными грядками цветов собрались и большие и маленькие. Вдруг в стороне Хасан увидел Махмута и Бориса. Они стояли и с завистью смотрели на первоклассников. А чего завидовать? Они тоже подрастут и тоже пойдут в школу. Не сейчас, так потом.

Хасан поглядывал на маму и видел, что она волнуется. А чего волноваться? Вот так всегда: мамы волнуются обычно там, где не стоит волноваться.

Скоро Хасан и сам разволновался.

Но всё оказалось совсем нестрашно. Учительница была хоть и в очках, но нарядная и очень красивая. Она быстро

рассадила всех за парты. Хасану досталась третья парта, у самого окна. Вот только рядом с ним посадили какую-то девчонку-хвастунишку, по лицу её было видно, что она ябеда и плакса.

«Ничего,— решил Хасан.— Главное, я теперь школьник!»

Учительница рассказала про школу и начала расспрашивать, как они отдыхали летом, в какие игры играли, с кем дружат, кто кем собирается стать, когда окончит школу. Хасан промолчал. Он давно уже решил стать космонавтом или трактористом, но это пока был секрет.

А потом учительница стала читать интересную и страшноватую сказку про Аладдина и про его волшебную лампу. Читала она очень выразительно, и, когда заговорила волшебным голосом джинна, у Хасана мурашки по коже побежали. Вот тут-то как раз он и нащупал в кармане ключик от портфеля и, конечно, сунул его в рот.

А учительница дочитала и сказала:

— Я вам читала. Но чтобы читать, надо знать буквы, из которых состоят слова. Кто знает буквы, поднимите руку.

Хасан поднял руку выше всех, и учительница улыбнулась:

— Тебя зовут Хасан? Ну, Хасан, достань букварь и прочитай нам.

Хасан рванул крышку портфеля. Заперто!

— Что-то случилось?— ласково спросила учительница и подошла к его парте. Подёргала за крышку.— О, да у тебя портфель на замке! А где ключик?

Хасан так растерялся, что пожал плечами.

— Не знаю,— сказал он, и тут ключик вывалился у него изо рта и упал на парту.

Все громко засмеялись, и учительница сначала тоже засмеялась, а потом нахмурилась и сказала:

— Ну что же ты, Хасан? Такой большой, уже школьник... Ведь только совсем маленькие дети суют себе в рот что попало! А школьнику нельзя так себя вести, надо бросить такую плохую привычку.

Это был настоящий позор. Хасан почувствовал, что по щекам его ползут слёзы. Он с трудом удержался, чтобы не заплакать во весь голос.

— Ну ничего,— сказала учительница, будто не заметив, что Хасану так тяжело.

Открыла она портфель и достала букварь, затем перевернула обложку:

— Прочитай вот здесь...

Хасан так сильно волновался, что чуть не выронил букварь. К тому же буквы расползались — наверное, из-за слёз. Но учительница не торопила. Поэтому он скоро собрался с духом и громко прочитал всю страницу.

ЗА РУЛЁМ МАШИНЫ

Однажды в воскресенье из Нальчика на своей новенькой «Волге» приехал в гости дядя Хасана. И пока взрослые пили чай и разговаривали, Хасан выскочил на улицу посмотреть дядину машину.

Вот это была машина! Не то чтобы совсем белая, а чуть желтоватая, как сливочное мороженое. Хасан погладил дверцу, подёргал ручку — красота! Он увидел, что из-за угла выбежал толстоногий Махмут, а за ним ещё мальчишки. Хасан небрежно прислонился спиной к машине.

— Развоображался! — крикнул на бегу Асхат, самый зловредный мальчишка в селении.

Хасан терпеть его не мог. Ты ему — слово, а он тебе — двадцать пять. И почему-то все хорошие ответы приходят потом, когда Асхата уже и след простыл.

Сейчас Асхат подошёл к машине вплотную и потрогал ботинком колесо.

— Убери ногу! — хмуро приказал Хасан.

— Чего командуешь? Твоя, что ли?

— Моя, — холодно ответил Хасан.

— Твоя! Скажи лучше — дядина. Нам всё известно, не беспокойся, — сказал Асхат.

И это была правда. Асхат в самом деле всегда всё знал. Хасан разозлился и вспыхнул.

— А дядя чей? — крикнул он. — Чей дядя-то? Твой, может быть? Дядя мой — значит, и машина моя.

— Ой, не могу, уморил! — Асхат схватился за живот, сделав вид, что и впрямь умирает от смеха.

— Да отвайжись ты от него! — вступился Махмут. — Чего тебе надо?

Другие мальчишки тоже обернулись к Асхату с неодобрением.

— А чего он врёт! «Дядя мой, машина моя»! У меня тоже дядя в Нальчике, майор милиции. А у него пистолет есть. Так что же, значит, этот пистолет мой? Нет, ты скажи: мой?

— А он тебе двоюродный дядя, — неожиданно пропищал Махмут и на всякий случай отошёл за машину, подальше от Асхата. — Он твоей мамы двоюродный брат. А у Хасана родной, — добавил он уже оттуда.

Асхат почему-то вдруг растерялся и покраснел.

— А ты куда лезешь? — грозно сказал он. — А ну, топай! Хасан обрадовался и спросил Асхата злорадно:

— Ну как? Вкусно?

Асхат рывком повернулся.

— Если бы это была твоя машина, — сказал он с расстановкой, — ты бы внутри сидел, а не стоял рядом. Небось и дверцу открыть боишься: дядя заругает...

— А вот и не боюсь!

— А вот и побоишься!

И тут Хасан почувствовал, что он, пожалуй, уже слишком долго терпит насмешки. Давно пора показать этому Асхату...

Хасан с важностью открыл дверцу, сел за руль и, как настоящий шофёр, свесил локоть за опущенное стекло. Потом посмотрел Асхату в глаза и сказал спокойно:

— Ну?

Но тот и не думал отступить.

— Залез?— спросил он, прищурив глаза.— Так поезжай, чего ж ты ждёшь? Или не можешь? Хвастаться только можешь? «Моя машина»! Была бы твоя, ты бы править умел. Да где тебе! Вылезай из машины, садись на ишака. И править не надо, сам повезёт. У твоего дяди ишак есть? Ты сначала научись на велосипеде ездить. Воображала! В машину залез, а править не умеет. Доказал! Посмотрите на него!..

Хасан слушал молча, но чувствовал: ещё одно слово, и он разорвёт Асхата на части. А потом сердито сказал:

— Бензин кончился, а то бы я тебе показал...

Нет, этого говорить не следовало! Все мальчишки сразу повернули к Хасану удивлённые и недоверчивые лица.

— Бензин? При чём тут бензин?— тихо спросил Асхат.— Ты разве умеешь править?

— А чего тут уметь?— растерянно пробормотал Хасан.— Это каждый умеет...

Асхат даже подпрыгнул на месте:

— Слыхали? Трус он и хвастун. Я же говорю: садись на ишака. И бензина не надо. Бензин у него кончился! Как ты узнал, что нет бензина? Да ты хоть проверь, есть или нет. Ой-ой! Вот насмешил!

И тогда Хасан закусил губу и рванул на себя первый попавшийся рычаг. Машина как-то странно ожила. В ней не заговорил, не застучал мотор, и всё-таки она плавно заскользила вперёд, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее...

Хасан судорожно вцепился в руль обеими руками, ото-ропелые лица мальчишек мелькнули и остались позади, только глупый Махмут бежал рядом и кричал во всё горло:

— Ура-а! Поехали!

Но потом и он отстал.

Хасан в отчаянии нажал на сигнал, и улица огласилась его мощным пением. Из-под колёс шарахнулись куры, отку-да-то с визгливым лаем выскочила собака.

- Остановите Хасана!
- Машина сама пошла!

Вопли мальчишек Хасан услышал где-то позади.

Вдруг машина резко подалась влево. Хасан крутанул руль в обратную сторону. Машина послушно метнулась вправо «Спокойно!» — приказал себе Хасан и уже осторожно повернул руль чуть-чуть влево. Машина выровнялась, и Хасан впервые понял, что произошло. Он один в машине на пустом шоссе!.. Селение осталось позади, «Волга» везёт его в сторону города.

«Хоть бы встретился кто-нибудь, — со страхом подумал Хасан. — Хоть бы кто помог!»

И, словно услышав его мольбу, откуда-то сбоку на шоссе бойко выбежал ишак, впряжённый в арбу. На арбе сидел старик. Хасану показалось, что он дремлет.

— Дедушка! — со слезами в голосе закричал Хасан. — Помогите, дедушка!

Старик подкочил на арбе, и вот уже совсем близко Хасан увидел его вытаращенные от ужаса глаза и изумлённо открытый рот. Ещё минута...

Хасан зажмурился и изо всех сил рванул руль вправо. Машина шарахнулась, сползла с шоссе, глубоко врезалась носом в стог сена у обочины и встала.

У Хасана потемнело в глазах. Впрочем, он почти сразу понял, что это стог обрушился на машину и сено завалило стекло.

...«Волга» была цела, на ней не нашли даже царапины. А вот Хасан... Он, пожалуй, стерпел бы хорошую порку. Очень тяжело и стыдно было, когда стали провожать дядю. Все — папа, мама и бабушка — вышли к воротам, они стояли около машины и о чём-то разговаривали. Потом дядя сказал:

— Ну, давайте садитесь в машину и проводите меня немного, — и сел за руль.

Папа сначала посадил бабушку, потом маму с Алимчиком и собрался сесть сам. До того момента Хасан стоял и всё

ждал, что вот-вот позовут и его. Но папа внимательно посмотрел на него и, прежде чем сесть в машину, сказал:

— А Хасан пусть отдохнёт, он уже сегодня вдоволь накатался.

Машина зафыркала и поехала.

Недалеко стояли ребята и молча смотрели на Хасана.

ВЕЛОСИПЕД И ЧУДЕСНЫЙ СОН

Было воскресное утро. Хасан встал чуть позже, чем обычно, сделал пробежку вокруг сада, умылся и... услышал, как за воротами остановилась машина. А когда открылась калитка, он сразу узнал любимого дядю. И его «Волгу» он узнал мгновенно. Ещё бы! Он эту машину теперь и среди тысячи разных машин безошибочно узнает. Хасан хорошо помнил, как он взобрался в машину и сел за руль, как после долгой возни спустил «Волгу» с тормоза. Особенно хорошо помнил, как она покатила и уткнулась носом в зелёный стог сена.

Дорогой гость радостно поздоровался с бабушкой, мамой, папой и даже с Алимом. А когда обнимал Хасана, будто что-то вспомнил, задумался, нахмурил брови. Потом молча повернулся и зашагал к своей машине.

— Это я привёз самому-самому любимому человеку в этом доме! — торжественно сказал дядя и поставил перед собой совершенно новенький и очень нарядный велосипед.

Домашние переглянулись, словно желая узнать, кто же этот самый-самый. Один Алим лежал и пытался сбить блестящий шарик со спинки кровати своей розовой пяткой.

Дядя жестом подозвал Хасана и вручил ему самый замечательный подарок:

— Бери. Всё начинается с этого, двухколёсного. А машину водить я сам тебя научу. Только малость подрасти надо. Всё сверкало и переливалось на «шайтан-арбе», как не-

вежливо назвала бабушка этот велосипед. Только чёрные шины колёс не сверкали и не переливались.

Хасан тихонько проверил звонок, чем привлёк внимание и Алима. Младший пожелал потрогать этот сверкающий звонок. Хасан ему это позволил. Он сейчас был не только самый счастливый, но и самый добрый. От радости, наверное.

Забыв и поблагодарить дядю, Хасан выкатил своё двухколёсное чудо на улицу. Но, как назло, никого из приятелей там не увидел. Ни толстого Махмута, ни хвастунишку Асхата, ни глазастую Тамару. А может быть, они ещё спали. Ведь воскресенье.

Водить эту «шайтан-арбу» он уже умел. На Асхатовом научился. Но тот отбирал велосипед в самую неожиданную минуту. Уж лучше бы не давал вовсе, чем так. А теперь пусть посмотрит, у кого лучше да новей.

Хасан проехал вверх по улице. Возле Асхатова дома хорошенько позвонил. Он уже собирался уехать, как выскочил Асхат. Он поздоровался и, скрывая свою зависть, задумчиво оглядел этот новенький велосипед. Потом деловито потрогал седло и колёса, похлопал по рулю, словно хотел найти какой-нибудь изъян.

— Если разрешишь, я бы проверил его ход,— сказал Асхат.

— Пожалуйста. Я не жадный,— сказал Хасан. И, повернувшись к только что возникшему Махмуту, добавил:— А ты после него покатаешься.

— Так я же не умею,— жалобным голоском сказал Махмут и горестно вздохнул.

— Ну так научим, если не умеешь,— сказал Хасан.— Не такое уж это дело сложное. Не «Волга» же...— Он тут же пожалел, что про машину сказал. У всех была на памяти его «поездка» на дядином автомобиле. Позор, а не поездка.

Махмут, несмотря на короткие и толстые ноги, оказался очень настойчивым, неутомимым и прямо на глазах научился ездить на велосипеде. А как ликовал! А мама при всех обещала купить ему такую же «шайтан-арбу».

Новый велосипед до самых сумерек не знал ни отдыха, ни покоя. И запылился, и несколько раз падал вместе со своим седоком — Махмутом.

Очень устал Хасан и проголодался. Он приехал домой, хорошо вытер велосипед мягкой тряпочкой. Прислонил его к спинке своей кровати, пошёл поужинать. И никто не удивился, когда он отправился спать, даже не посмотрев свой любимый мультфильм...

Зато сон его оказался лучше всяких мультиков. Просто многосерийный фильм с его собственным участием. Вот Хасан отдал велосипед Алимчику и пересел на мотоцикл. И Тамару посадил на заднее сиденье и с грохотом промчался по главной улице села. Скоро выехал на трассу. Тугой ветер бьёт его по лицу, развевает Тамарины косички. Новые сёла, незнакомые новые города остаются позади. А Хасан мчится ещё быстрее.

Вдруг этот гроыхающий одноглазый мотоцикл превратился в синюю «Волгу». Руки Хасана крепко сжимают руль. А машина вышла на ещё более широкую улицу, нет, дорогу. У дороги этой помахали ему рукой и Асхат, и Махмут, и Тамара, которая совсем недавно сидела за спиной Хасана.

Много, мало ли он проехал, но вдруг огнедышащая «Волга» превратилась в самолёт. А потом сёла, города стремительно умчались назад и исчезли из виду. Ни орлам, ни птичкам не догнать Хасана. А внизу теперь зелёные леса и голубые горы...

Хасан не успел налюбоваться увиденным, как появилось огромное облако. Оно закрыло и небо, и землю. Зато услышал Хасан знакомые голоса:

— Держись, джигит! — Это кричал отец.

— Будь осторожным, сынок, не заблудись! — узнал Хасан голос мамы.

— Молодец, мой ягнёночек! Но теперь немедленно возвращайся, паршивец этакий! — не очень вежливо требовала бабушка.

Был слышен какой-то лепет. Это, наверное, был голос Алимчика.

Вдруг Хасан заметил одну яркую звёздочку. Показалось, что она мчится ему навстречу. Потом появились вокруг и другие звёздочки. Они мигали, словно приветствуя Хасана, руки которого крепко сжимали штурвал. И ещё слышалась какая-то таинственная музыка...

Но что это? Хасану даже страшновато стало, когда он вдруг обнаружил, что летит не в самолёте, а в самой настоящей ракете. И одет он не в майку и трусы, а в самый настоящий скафандр. И на голове — настоящий шлем. А впереди — много мигающих разноцветных лампочек, разные клавиши и рычажки.

«Вот чудо-то! Да я же в космосе!» — прошептал Хасан.

А звезда, что мчалась навстречу, становилась всё больше и больше. И так сильно блестела, что глазам стало больно...

Когда Хасан открыл глаза, то заметил, как ярко блестел велосипедный звонок, на который попали лучи утреннего солнца. А «шайтан-арба» спокойно ждала своего хозяина, облокотившись на спинку кровати.

КАК ХАСАН ДЕЛАЛ «ЛИМОНАД»

Школа Хасану очень понравилась. Правда, иногда было скучно. Особенно на третьем уроке. Очень уж хотелось спать. И Хасан, чтобы не уснуть, щипал себе руку. Становилось больно, и ему казалось, что он уже не хочет спать. Потом снова начинало клонить ко сну, и он снова щипал руку.

Зато на перемене было хорошо. Можно побегать по двору, поговорить с друзьями. А самое главное — посмотреть классы, где занимаются старшие школьники. Но они тут же выгоняли его, и Хасану было обидно. «Ну ничего, — говорил он тогда себе, — буду и я большой, тогда посмотрим, кто кого будет выгонять».

Вот так однажды во время перемены шёл Хасан по коридору второго этажа и остановился возле одной чуть-чуть открытой двери. Там вдоль длинного стола стояли старшеклассники в белых халатах. Они брали маленькие бутылочки и что-то наливали из них в стеклянные трубочки. На столе горела стеклянная свечка. Здесь все переливали из бутылочек в трубочки разные жидкости, и получалось вроде сиропа.

Потом ребята сироп кипятили. Это было так интересно, что Хасан решил зайти.

Хасан открыл дверь пошире, шагнул вперёд и сказал вежливо:

— Здравствуйте!— И поклонился, совсем как папа.

— Здорово!— изумлённо ответил ему высокий парень в очках.— Ты откуда свалился?

Все ребята сразу оставили свои трубочки и тоже повернулись к Хасану.

— Я не свалился, я пришёл посмотреть, что вы делаете,— скороговоркой объяснил Хасан. Ему хотелось не отвечать на вопросы, а спрашивать самому.

Очкастый громко расхохотался, и вслед за ним засмеялись остальные.

Хасан набрался храбрости и спросил:

— Что вы делаете? Это в бутылочках у вас что, с пузырьками?

— А это, брат, лимонад с пузырьками,— ответил ему один и подмигнул.

— Как!— поразился Хасан.— Вы сами делаете лимонад?

— Конечно, сами. А что особенного? Хочешь попробовать?

И все опять засмеялись.

— Нет, спасибо, я не хочу пробовать. Но, если можно, я бы тоже хотел научиться делать лимонад. Сам. Научите меня, пожалуйста.

— Ну что ж, это можно,— охотно ответил очкастый.— Заходи после уроков.

— Сегодня? — деловито уточнил Хасан.

В этот момент вошёл сердитый учитель.

— Что здесь происходит? Почему вы не работаете? А ты что здесь делаешь? Ну-ка, марш в свой класс!

Хасан попятился к двери, не спуская глаз с парня в очках, и тот ещё раз ему подмигнул. Стало быть, согласился на сегодня. Здорово!

На последнем уроке Хасан не мог дожидаться звонка и всё думал про лимонад.

А был урок рисования. Трудный урок. Учительница ставила что-нибудь на высокое место и говорила: «Рисуйте!» У Хасана ничего не получалось. Вместо графина с водой он нарисовал что-то похожее на ящик. Вот если бы сказали нарисовать трактор, Хасан бы показал всем, как надо рисовать. Уж трактор у него получался как настоящий. С гусеницами, колёсиками и окошками. И даже с плугом сзади. Это он мог!..

Когда Хасан ещё раз посмотрел на графин, то опять вспомнил обещание очкастого научить делать лимонад. Не каждого приглашают в химическую лабораторию, это тоже понимать надо... И едва прозвенел звонок, он помчался на второй этаж.

В коридоре было привычно шумно и людно, а дверь лаборатории снова была приоткрыта. Но теперь комната оказалась пуста.

«Забыл про меня, — огорчился Хасан. — Вот тебе и раз! А ещё обещал...» Потом он вспомнил, что у старших-то по четыре урока не бывает. Пять, а то и все шесть!

«Ну что ж, подожду», — решил Хасан. И принялся терпеливо ждать, разглядывая бутылочки в шкафу. Их было очень много, больших и маленьких, белых и жёлтых, и на каждой была наклейка с непонятными буквами.

В коридоре за дверью раздались шаги. Хасан испугался, что это идёт сердитый учитель, и юркнул за шкаф. Дверь распахнулась, и голос школьной уборщицы сказал:

— Опять не заперли. Сколько можно говорить!..

Потом дверь захлопнулась, и Хасан услышал, как с той стороны повернулся, прищёлкнув, ключ.

«Попался! — ахнул Хасан про себя. — Что же теперь будет?»

Но подумал немножко и успокоился: «А что будет? Придёт этот, в очках, меня учить и откроет».

Но почему-то парень задерживался. Уж отзвенел звонок с пятого урока, отшумела перемена, а его всё не было. От скуки Хасан подёргал дверцу шкафа. Закрыто. И тут же увидел ключик, висящий на маленьком гвоздике.

«Я только посмотрю как следует, что там внутри, а трогать ничего не буду», — сказал себе Хасан и открыл шкаф. Внутри, на самой нижней полке, стояла большая бутылка странной формы, с очень широким дном и узеньким горлышком. Она почти доверху была наполнена чем-то белым, очень похожим на сахарный песок.

«Ага! — обрадовался Хасан. — Сахар для лимонада я, значит, уже нашёл. Поищем дальше». Что надо искать дальше, Хасан точно не знал, поэтому он стал брать все бутылочки подряд и разглядывать их на свет. Какие же они были разные, какие интересные! В одной жидкость синяя-синяя, в другой — белая, но не прозрачная, а похожая на мыльную воду, в третьей — вишнёвая, красивая и, должно быть, очень вкусная...

Хасан долго держал в руках эту бутылочку, жалко было с ней расставаться, но в конце концов он всё-таки поставил её в шкаф. И тут же увидел в уголочке свечку... из стекла! А рядом спички...

Интересно, горит эта стеклянная свечка или нет? Хасан взялся было за коробок, но тут же отдернул руку. Баловать со спичками? Никогда! Хасан не маленький ребёнок, он прекрасно понимает, что из этого может получиться. Бабушка объясняла тысячу раз.

Стало немножко скучно. Хасан снова принялся перебирать бутылочки и вдруг наткнулся на такую, что у него дух захватило от её красоты. Почти круглая, только чуть

приплюснутое донышко, лёгкая, сверкающая, похожая на воздушный шарик! И совсем пустая. Значит, во все другие бутылки налили что-то интересное, а эта стоит, бедненькая, забытая и никому не нужная...

Хасан вздохнул. Потом решительно потрянул головой и взялся за дело. Пусть все бутылки поделятся с этой красавицей, иначе получается несправедливо. Он не будет отнимать у них помногу. Зачем обижать других?

Сначала он отлил из двух бутылочек с одинаковой прозрачной жидкостью, вроде бы простой водой. А в бутылке получилось что-то белое, как молоко. «Странно», — сказал себе Хасан и добавил из третьей. Жидкость сразу окрасилась в жёлто-розовый лимонадный цвет. Только лимонад вышел мутный и без пузырьков.

Но Хасан всё-таки обрадовался: «Придёт очкастый меня учить, а я ему покажу готовый лимонад. Только бы пузырьки сделать... От чего они получаются? Может, от сахара?»

И, чтобы добиться пузырьков, а заодно приготовить настоящий сладкий лимонад, Хасан насыпал в свою бутылку целую горсть белого порошка. Правда, он был не совсем похож на сахар, и Хасан почему-то никак не мог решиться попробовать его на вкус. Но когда порошок попал в бутылку, случилось настоящее чудо. Лимонад зашумел, забурлил, и Хасан почувствовал, что донышко нагревается в его ладонях. Без всякого огня! А пузырьков-то, пузырьков! Миллион...

Вот так штука! Что же будет, если всё это подогреть на стеклянной свечке? Теперь Хасану было уже так интересно, что все бабушкины наставления насчёт спичек вылетели у него из головы. Свечка загорелась сразу очень красивым голубым огоньком. Оставалось только заткнуть бутылку покрепче... Сначала водичка в бутылке окрасилась в непонятный цвет, потом стала бурно кипеть. Внутри бутылки загадочно закружился пар, совсем такой, из каких-то сказках появляется джинн. Хасан затаил дыхание, ему почему-то было немного страшно.

И тут раздался оглушительный взрыв! Красавица бутылка разлетелась на тысячи кусочков, а один из них впился Хасану в щёку. Опрокинулась стеклянная свечка, из неё что-то вытекло и загорелось на столе.

Хасан схватился за щёку, почувствовал, что по пальцам течёт кровь, и громко заплакал.

В коридоре тотчас затопали, дверь подёргали, потом открыли, и в комнату вбежала уборщица с тряпкой в руках. Она ахнула и стала бить этой тряпкой по горящему столу...

Когда пожар был потушен, уборщица обернулась к Хасану и замахнулась на него той же тряпкой:

— У-у-у, негодник! Ты что, школу хотел взорвать?

У этой тёти был очень громкий голос, и Хасан заплакал ещё громче.

— Господи, да ты в крови! А ну-ка, пошли к врачу! — И потащила Хасана за руку.

Из кабинета врача Хасан вышел с перебинтованной головой. Бинт был завязан на макушке бантом, что сделало Хасана похожим на зайца.

Но главная обида была не в этом. Пока Хасана перевязывали, в кабинет врача набилось много народу, и при всех пришлось рассказывать про лимонад. А врач, совсем молодой парень, похожий на десятиклассника, закончив перевязку, достал из кошелька мелочь и протянул Хасану:

— Возьми, деточка, себе на лимонад.

«Деточка»!

Хасан чуть снова не заревел от обиды. Он сразу понял, что его теперь задразнят. И не ошибся.

Долго ещё потом разные мальчишки, большие и маленькие, знакомые и незнакомые, встретив Хасана, кричали:

— Деточка! Хочешь лимонаду? Можем угостить.

И обидно смеялись.

А про то, как в школу вызывали маму и о чём она потом с Хасаном говорила, я даже и вспоминать не хочу.

ХАСАН ЕДЕТ В ГОРЫ

В один из тёплых весенних дней, когда деревья стали зелёными и кругом щебетали птицы, Хасан прибежал домой радостный и сказал:

— Мама, я перешёл во второй класс. У меня всего одна четвёрка. По рисованию.

— Молодец, мой маленький,— сказала она и обняла Хасана.

— И вовсе я не маленький,— обиделся он.— Учительница сказала, что мы уже большие и должны организовать свой отдых.

— Что это значит — организовать?— удивилась мама.

— А это значит, что мы, то есть я должен хорошо отдохнуть на каникулах.

— Обязательно устроим тебе хорошие каникулы, сынок. Ведь ты у нас старался, перешёл во второй класс с пятёрками. Пойди обрадуй и бабушку,— сказала она, ласково глядя на Хасана.

Бабушка что-то делала на кухне. Услышав шаги Хасана, она обернулась:

— А, Хасан! Что так рано? Не случилось ли чего?

— Случилось! Случилось! У нас каникулы. Я перешёл во второй класс. У меня все пятёрки, только одна четвёрка.

— Молодец, мой ненаглядный джигит, молодец, мой умница!— похвалила бабушка и спросила:— А в книжку пятёрки записали?

— Всё в табель записали! Всё! Мама тебе прочитает.— И он подумал о единственной четвёрке. Ведь папа обязательно скажет: «Эх ты!.. Уж по рисованию не мог подтянуться. Испортил табель». И не объяснишь ему, что Хасан тянулся, тянулся изо всех сил, но не выходит у него с рисованием, хоть убей!

Не умеет он рисовать по заданию. Вот если бы сказали: рисуйте кто что хочет, тогда бы посмотрели, на что он способен.

Хасан так задумался, что совсем забыл про бабушку, которая всё время искоса на него поглядывала.

— С завтрашнего дня перехожу на заслуженный отдых.

Хасан и представить себе не мог, что эта торжественная и всем понятная фраза, которую он слышал тысячу раз, так подействует на бабушку. Она сначала переспросила: «Как-как?» — потом принялась хохотать, словно её щекочут.

— Ой, Хасан, — приговаривала она, — ну что ты за человек! Я уже не могу больше смеяться!

А чего смешного? Каникулы — отдых? Отдых. Заслуженный? Ещё бы не заслуженный: благодарность записали на отдельной бумажке...

Когда наступила ночь и телевизор выключили, Хасана отправили спать. Лёг Хасан в свою кровать, но никак не может уснуть. Он всё думает, чем заниматься летом. Бегать по улице, оседлав прутик, теперь не годится. Он уже большой. «А, ладно, — решил Хасан, — пусть подумают об этом старшие. Всё равно будет так, как они скажут».

Между тем в соседней комнате уже решали, как организовать отдых Хасана, чтоб он за лето окреп и не скучал и хорошо подготовился к новому учебному году.

— Пусть сидит дома и помогает бабушке. Ничего дома не делает, так он совсем разленится. — Это сказал папа почему-то сердитым голосом.

— А по-моему, его надо отправить в лагерь, где отдыхают многие школьники. — Это сказала мама. — Под присмотром будет и на свежем воздухе.

— Я не совсем согласен с тобой, — ответил папа опять сердитым голосом. — Если он не подожжёт лагерь, то может устроить взрыв. Нет, это не подходит.

— Может, в город? Пусть поживёт у дяди. — Это сказала мама.

«В город, конечно, было бы здорово, — подумал Хасан, который слушал, что решали взрослые. — И кино каждый день, и мороженое, и лимонад. А самое главное — зверинец. Уж туда бы я ходил каждый день и смотрел зверей».

— Нет, это не годится,— снова сказала мама.— Дядя недостаточно строгий, он совсем разбалует мальчика. Да ещё эта машина...

Долго думали родители, но никак не могли решить, куда же везти Хасана, чтобы он хорошо отдохнул и окреп.

И вот наконец заговорила бабушка. Обычно она всегда говорит последней, и всё делается так, как она скажет.

Папа и мама молчали. А бабушка, словно взвешивая каждое своё слово, негромко, но очень строго сказала:

— Отправим-ка мы его в горы, на кош. Пусть попьёт там айрану вдоволь, поправится и к делу привыкнет. Осман расшалиться ему не позволит. Человека сделает из Хасана.

Эти слова немножко обидели и рассмешили Хасана. Что это значит — «человека делает»?

Так и решили: отправить Хасана в горы, чтобы он пожил на коше, попил айрану, подышал чистым воздухом и человеком стал.

Старшие разошлись спать. А Хасан ещё долго ворочался в постели. Он всё пытался представить этот кош, этот айран, этот свежий воздух и то, как дядя Осман из него человека настоящего будет делать. «Эх, только не было бы скучно», — подумал он, наконец засыпая.

Наутро разбудили Хасана рано. Надел он ботинки, тёплую куртку с молниями примерил. Это бабушка купила. Она знает, что в горах даже летом прохладно. Пока Хасан и папа завтракали, бабушка положила в большую сумку целую тарелку вкусных и румяных локумов, много яиц и варёную индюшатину, завёрнутую в шуршащую бумагу. И ещё она положила в сумку белую пластмассовую флягу с айраном.

Под окном тихонько загудел колхозный «газик», которому, видимо, наскучило ждать.

Мама и бабушка прощались с Хасаном так, будто не надеялись больше его увидеть. Папа посадил его в машину и сзади сел сам.

— Ну как, править ты будешь или на этот раз мне доверишь? — спросил шофёр, папин приятель.

После случая с «Волгой» от всяких насмешек проходу не было. Но Хасан даже не обиделся и ответил спокойно:
— Доверяю.

Он заметил, что, если не обижаться, когда дразнят, или хотя бы не показывать виду, отвяжутся быстрее.

Машина тронулась, и невыспавшийся Хасан начал даже дремать. Потом машина круто свернула с шоссе — Хасана даже подкинуло на сиденье, он проснулся и заморгал. Шофёр молча ему улыбнулся.

Под колёсами «газика» был всё тот же асфальт, только теперь асфальтовая лента вилась у подножия скал и над самой пропастью. Впереди эта лента казалась и не лентой даже, а ниточкой.

«Как же мы там проедем?» — подумал Хасан с некоторой опаской. Но сейчас всё было в порядке: «газик» жался к горе, а между ним и столбиками у пропасти оставалось ещё несколько шагов. Но вот на эти самые столбики смотреть почему-то было страшновато — слишком они казались маленькими и ненадёжными.

— А можно отсюда свалиться? — спросил Хасан на всякий случай.

— О аллах, начинается, — сказал отец, не пояснив, что же начинается.

— Можно, всё можно, — весело ответил шофёр. — Хочешь попробовать?

— Нет, — быстро ответил Хасан. — Ой, что это такое?

Впереди гора была перечёркнута ослепительно белыми, сверкающими на солнце зигзагами.

— Снег на вершине тает и вниз течёт. Красиво?

— Очень. А вон ещё! И ещё! Ой, сколько! Можно остановиться, я сбегая посмотреть?

Шофёр засмеялся:

— Долго бежать будешь. И к ночи не успеем.

— Это же совсем близко!

— Так ведь только кажется, что близко. А на самом деле километра полтора отсюда. Да к тому же крутизна какая!

Потом Хасан ехал молча, размышляя над словами шофёра. До горных потоков вроде бы рукой подать. Машина петляла, шла всё медленнее и наконец остановилась.

— Слезай, приехали, — сказал за спиной папа.

И Хасан выпрыгнул на дорогу.

«Газик» двинулся дальше, а Хасан спросил:

— Это уже кош?

— Нет, дорогой. Видишь вон ту гору? Не белую, а слева, которая пониже?

— Вижу.

— Кош там.

— А почему мы вылезли?

— Туда дороги ещё нет. Верхом поедem. Сейчас дядя Осман лошадей приведёт. Мы с ним договорились.

— Лошадей? — возликовал Хасан. — Верхом? Это совсем даже неплохо, — сказал он, как говорит обычно отец.

Кажется, начиналась очень интересная жизнь.

Они отошли от дороги и сели на плоский ровный камень, покрытый сбоку нежным зелёным пушком мха. Хасан заметил неподалёку родничок, и ему сразу захотелось пить.

— Можно я оттуда напьюсь?

Отец пошёл к роднику и, набрав в флягу родниковой воды, почему-то загадочно сказал:

— На, попробуй.

Хасан быстро наполнил пластмассовый стаканчик, сделал глоток, прослезился и ошеломлённо уставился на отца.

— Газированная! — крикнул он. — Папа, она газированная!

— Пей, пей больше. Укрепляй здоровье. Только не спеши. Маленькими глотками пей.

Хасан укреплял здоровье до тех пор, пока ему трудно стало дышать. Потом он заметил, что все камни вокруг родника совсем красные.

— Почему это?

— В этой воде есть железо, и оно оседает на камнях. Ты будешь потом учить это по химии.

Хасан вздохнул. Он уже пытался познакомиться с химией, и нельзя сказать, чтобы ему приятно было вспоминать это знакомство. Вдруг он услышал дробный цокот, и из-за поворота вылетели два коня, на одном из них — всадник. Отец поднялся ему навстречу, всадник ловко спрыгнул с коня, как те красные джигиты из фильма, и они крепко пожали друг другу руки.

Лицо всадника весёлое, усатое и черноглазое. И ещё — румяное.

Хасан смутно припомнил, словно видел его когда-то во сне.

— Ну, какой тут племянник и будущий помощник?

Хасан тоже хотел солидно обменяться с дядей рукопожатием и намеревался даже сказать: «Я, очень приятно», но дядя поднял его и поцеловал в щёку.

— Ух, вырос, джигит! — сказал он с явным восхищением. — Я тебя знаешь каким видел? — И показал рукой так низко над землёй, что Хасан нахмурился.

Ему казалось, что таким крошечным, чуть выше сапога, он просто не мог быть.

— Ну что, будешь меня слушаться? — продолжал спрашивать дядя. — Ведь если не будешь, то я... — Дядя замялся.

И Хасан вежливо подсказал:

— То вы отрежете мне уши!

Дядя Осман в восторге хлопнул Хасана по плечу:

— Точно! Гляди, всё знает. Ну что за парень! Ну до чего догадливый мой племянник.

Хасан засмеялся. Когда был совсем маленьким, он эту угрозу слышал часто. Да и он ли один? Наверно, не было мальчишки, которого не пугали бы такими словами, но пока ещё даже у самых непослушных уши оставались на месте.

Хасан начал разглядывать лошадей, которых пустили пастись, пока люди перекусывали. Одна из них была чёрная с белыми полосками возле копыт. Как в носках. А другая — тёмно-рыжая, с лохматой гривой и хвостом, завязанным в узел. Она была пожирней, но обрывала травку так энергично,

словно её неделю не кормили. А всё же и она была красивая. Лошади почти все красивые.

— Которая из лошадей моя?— спросил Хасан, хозяйски осматривая чёрную лошадь и явно желая заполучить её.

— Мы с тобой поедem на одной, а на другой — дядя,— сказал отец.

И они сели на ту, рыжую.

Это было очень обидно. Но Хасан, конечно, не стал спорить. А покачавшись с полчаса в седле за папиной спиной, сказал дрожащим голосом:

— Папа, я вижу только твою спину, и больше ничего.

И отец пересадил его вперёд.

Лошади шли медленно: тропа была крутая и каменистая. И им, лошадям, наверное, трудно было идти по такой тропе. А домики внизу казались такими крошечными, что Хасан развеселился. Облака плыли совсем рядом, а по обеим сторонам тропки росли цветы. Красные, жёлтые, голубые. Цветы, цветы... Никогда в жизни Хасан не видел столько цветов сразу. И травы, такой высокой и душистой, он тоже не видел никогда. И неба, такого синего и близкого, и без единого облачка, не видел...

Заглядевшись на все эти чудеса, Хасан не заметил, что навстречу им вынырнул из-за поворота маленький нарядный домик. И только когда от этого домика к ним с громким лаем помчался огромный волкодав, Хасан вздрогнул и очнулся.

— Ну, Хасан, вот мы и дома!— сказал отец, с восторгом осматривая не домик, а горы, которые здесь казались уже не столь высокими.

Дядя Осман снял Хасана с седла и поставил рядом с собой. Ноги Хасана были тяжёлые и плохо его слушались. А тут к ним подбежал волкодав и начал кружиться около Османа.

Дядя Осман ласково погладил собаку и сказал:

— Смотри, Бойнак, какого гостя я привёз. Дружи с ним, и жизнь у тебя пойдёт веселее.

Бойнак, продолжая вилять хвостом, подошёл к Хасану и ткнулся носом в руку, будто хотел поздороваться с ним и познакомиться.

Хасану хотелось погладить собаку, да он не решился. Хотел что-то спросить дядю Османа, но вдруг почувствовал, что с трудом держится на ногах.

— Ты, наверное, проголодался, есть хочешь? — спросил дядя Осман.

— Спать хочу, — ответил Хасан, стараясь говорить понятнее.

И эти слова он, наверное, произнёс впервые в жизни...

О ВОЛКОДАВЕ БОЙНАКЕ И РЕЗВОМ БЫЧКЕ

Осман и впрямь оказался добрым и весёлым дядей. Когда он смеялся, глаза его становились маленькими, а чёрные густые усы смешно подрагивали.

На завтрак Осман сварил мясо, и ели они его с лепёшками. Хасан ещё выпил из белой канистры полную кружку холодного шипучего айрана и вспомнил бабушкин наказ: «Побольше пей айрану — человеком станешь».

— Тебе здесь скучно не будет. Скоро придут к нам очень весёлые ребята из соседней фермы. Кино пойдёшь смотреть, может, концерт будет. А пока вот возьми, попробуй поймать хорошую музыку.

Осман подарил Хасану транзисторный приёмник, а сам пошёл присмотреть за стадом и поговорить с ребятами.

Вечером Хасану почему-то не хотелось спать. Здесь ночи совсем не похожи на сельские. Такая тишина вокруг! Изредка кузнечики то там, то тут пели свои песенки. А может быть, они говорили на своём, только им понятном языке? Кто их поймёт...

Дальние вершины снежных гор блестели так ярко, что Хасан засмотрелся, словно видел эти горы впервые.

— Тебе, я вижу, не хочется спать,— заметил Осман, погладив волосы Хасана.

— А почему луна такая красная?— вдруг тихо спросил Хасан.

— Это значит, завтра будет жарко,— сказал дядя Осман. — А раз так, нужно спать. Нам придётся вставать рано, чтобы покосить, пока солнышко не начнёт припекать, а то в знойный полдень какая работа. Одно мучение только.

Утром на работу дядя Осман и его друзья ушли рано, и Хасану никак не удалось уговорить их, чтобы и его они взяли с собой. А Осман сказал, что Хасан тоже должен работать, но здесь, на месте.

— Ты, Хасан, останься с Бойнаком. Он будет охранять наш кош от волков, а ты охраняй Бойнака,— сказал дядя Осман,— да смотри за телятами, ведь они всё норовят выбраться из загона, потому что они ещё глупые. Одно слово — телята.

Но Бойнак и сам неплохо справлялся. Утром, когда особенно прохладно. Уж тогда Бойнак был неутомим. Своим громовым «гав-гав» он отгонял телят от выхода из загона. Но к обеду могучий волкодав становился ленивым и медлительным, ограничивался только тихим «гав». И снова начинал дремать, положив огромную голову на лапы, только изредка пошевеливал хвостом. К этому времени становился ленивым и Хасан. Ему хотелось спать. Но он помнил о наказе старших.

Хасан сидел на крылечке и внимательно смотрел на волкодава. Бойнак лежал к нему боком и делал вид, что Хасана он не видит.

Вообще-то за десять дней, которые Хасан прожил на кошке, они с Бойнаком крепко подружились. Но иногда Хасану казалось, что Бойнак считает его совсем маленьким и немножко из-за этого презирает. Он, например, ни разу с Хасаном не поиграл. Уж Хасан и так к нему подходил и эдак, сначала показывал палку, а потом бросал её подальше, чтобы Бойнак принёс. Но пёс, спокойно взглянув на Хаса-

на, отворачивался и уходил. А иногда, прежде чем отойти, зевал Хасану прямо в лицо.

Хасан долго терпел, но наконец всё же пожаловался на Бойнака дяде Осману.

— Играть не хочет? — усмехнулся дядя. — Чудак, он же рабочий пёс. У него знаешь сколько обязанностей? И кош от волков охранять, и телят стеречь, чтобы из загона не выскакивали. Они ведь телята, сам понимаешь, маленькие, не соображают, что делают. Чуть зазеваешься — удерёт какой-нибудь, и ищи его! Вот теперь ты приехал, ему полегче стало, потому что он не один остаётся, а с тобой. Вся работа, значит, пополам. Одному, брат, вообще трудно.

Хасан задумался. Вроде бы всё правильно. Но, по совету говоря, Бойнак прекрасно справлялся и без Хасана. На другую же работу ни косари, ни пастухи Хасана с собой не брали.

— Подрасти сначала. Вот на следующее лето приедешь — совсем другое дело, дадим тебе пятивершковую, и тогда покосишь, — отмахивались они. А утром уходили так рано, что Хасан не слышал даже когда.

К полудню, в самый солнцепёк, они возвращались. И тогда становилось весело и прекрасно. Обедали, слушали транзистор, играли в шахматы, пока солнечные лучи не становились поласковее. И снова уходили — уже до самой темноты. И пока их не было, Хасан должен был найти себе занятие. Иначе уж очень медленно тянулось время. Вот если бы Бойнак согласился поиграть...

Странный всё-таки пёс! Стоило Хасану отправиться погулять, Бойнак непременно его сопровождал. Звали его, не звали, всё равно бежал рядом или чуть впереди. А однажды, когда Хасан обнаружил довольно далеко от дома речушку и захотел перебраться на тот берег, Бойнак встал между ним и рекой и тихо, но грозно зарычал. Хасан сначала не понял, что его не хотят пустить, и попытался было пса обойти стороной. Но тот рванулся следом и так страшно оскалил зубы, что Хасан растерялся.

А потом понял и даже сплюнул от досады.

— Что я тебе, телёнок?! — в сердцах крикнул он Бойнаку.

Но тот, будто ничего не случилось, бежал обратно к дому, такой же равнодушно-дружелюбный, как всегда.

Вот и сейчас...

— Бойнак, подойди ко мне. — Пёс даже не пошевелился, и Хасан вежливо добавил: — Пожалуйста... Бойнак, будь добр, подойди ко мне.

Бойнак повернул голову и окинул Хасана сонным взглядом жёлтых глаз.

— Я тебе принесу кусок варёного мяса, — пообещал Хасан.

Бойнак склонил набок лохматую голову и заинтересованно поднял одно ухо. Тогда Хасан сбегал в дом и принёс остаток своего завтрака. Но к Бойнаку подходить не стал, а снова сел на крыльцо.

— Смотри, какой большой кусок! Хочешь?

Пёс наконец-то нехотя поднялся, потянулся, зевнул и, неспешно подойдя к крыльцу, осторожно взял из рук Хасана кусок мяса. Хасан подождал, пока мясо исчезло, и робко предложил:

— Давай пробежимся наперегонки до загона и обратно. Хочешь? Побежали! А то с тобой от скуки умрёшь.

Хасан рванулся к загону. Но уже через десяток шагов понял, что бежит один.

— Бойнак! Ну что ж ты? Бойнак! Ну до чего ж ты ленивый! Можешь хоть капельку с человеком поиграть?

Пёс сделал какое-то непонятное движение... Хасан готов был поклясться, что он презрительно пожал плечами, этот самодовольный гордец Бойнак.

— А ну тебя! Спишь целый день, бездельник, — сказал Хасан обиженным голосом.

Это было несправедливо, но Бойнак, видно, пропустил упрёк мимо ушей. Ничем его не проймёшь!

Тогда Хасан уныло побрёл к загону. Когда ещё все вернутся отдохнуть! Сейчас, наверное, часов девять, а придут к

половине первого, не раньше. Вот если бы ему доверили лошадь и разрешили поездить верхом! Где там, и думать нечего. Правда, если Хасан просил прокатиться, любой пастух бросал книжку или шахматы, седлал коня и сажал Хасана с собой в седло. Поначалу и это было неплохо, но потом надоело. Самому бы, самому!.. Вот тогда бы он кое-кому кое-что показал.

Телята в загоне лениво щипали траву, отмахиваясь от сердитых мух. Только красивый чёрный бычок с белой звездой на лбу мчался по кругу, как настоящий иноходец. Кажалось, что он не находил применения своим силам.

— Бычок, глупый бычок! — позвал его Хасан. — Иди сюда! Ты чего прыгаешь? Отдохни.

Бычок поскакал ещё немного, а потом, будто послушавшись Хасана, подошёл к загородке и стал хрустеть травой.

— Нечего тебе скакать, — скучая, продолжал Хасан беседу. — Ты ведь телёнок, а не жеребёнок, верно? Вот если бы ты был жеребёнок...

И тут Хасан замолк, потому что в голову ему пришла замечательная мысль. Ну и что же, что телёнок? Ведь в игре можно назначить кого угодно кем угодно! И если Хасан станет Чапаевым, бычок вполне может стать его скакуном. Он ведь не просто бычок, он какой-то особенный, дядя Осман говорил, что ему цены нет!

— Поиграем? — торопливо предложил Хасан, готовясь к игре с бычком, у которого почему-то имени нет.

Он перебрался через изгородь, подошёл к бычку и попытался на него вскарабкаться. Но нога только скользнула по крутому гладкому боку, а бычок очень удивился. Он повернул к Хасану свою красивую глупую мордочку и уставился на него блестящими, как спелые сливы, большими глазами.

— Это ничего, — успокоил его Хасан. — Ты не бойся, только стой спокойно, не двигайся. Главное — сесть, а всё остальное чепуха. Вот сейчас сам увидишь.

Однако бычок отошёл от Хасана подальше и снова начал щипать траву. Было ясно, что играть он не собирается.

— Ну вот, Бойнака уговаривай, тебя тоже! Будто я только для себя стараюсь. Ведь небось покажи вам настоящую игру, сами рады будете. Но как начать? Забраться разве на загородку, а оттуда прыгнуть прямо тебе на спину, недогадливое животное?

Это оказалось делом совсем несложным. Бычок не успел опомниться, а Хасан уже крепко сидел на его гладкой спине.

На этот раз бычок удивился до такой степени, что замер и стоял не шевелясь, как каменный.

— Поехали!— ласково велел ему Хасан и похлопал по атласному боку.

Ни с места...

— Но-о!— крикнул Хасан и пощекотал пятками тёплые бока бычка.

Тот как бы в изумлении сделал несколько неуверенных шажков, потом побежал быстрее, потом ещё быстрее и, наконец, видимо поняв свои новые обязанности, помчался вдоль загородки изо всех сил.

Тёплый ветер ударил Хасану в лицо, телята перестали жевать и провожали всадника удивлёнными глазами, даже Бойнак подошёл к загородке, и Хасан на полном скаку показал ему язык.

Это было замечательно! Теперь Хасану не хватало только чапаевской сабли.

— Ура-а!— крикнул он.— На врага, за мной, красные джигиты, вперёд!

И тут вдруг бычок встал как вкопанный. Хасан едва успел обхватить его за шею, а то бы перелетел через голову.

— Ты что?— спросил он.— Уже устал? Ну давай ещё капельку поскачем!

В ответ бычок внезапно высоко подкинул задние ноги, и Хасана отбросило вперёд. Он не успел даже понять, как удержался на спине бычка, потому что схватиться было не за что: гладкая, короткая шерсть выскользнула из пальцев.

— Перестань!— крикнул он.— Ты что, с ума спятил, что ли? А ну-ка прекрати!

И тогда бычок так же резко и неожиданно подкинул ноги ещё раз. Чтобы удержаться, Хасан схватился за его уши, и бычка, видно, это окончательно взбесило. Он снова помчался по кругу, но теперь на бегу поочерёдно высоко вскидывал то передние, то задние ноги, и Хасана беспрерывно швыряло взад и вперёд.

— Стой, стой!— со слезами кричал Хасан.— Ну остановись, я слезу.

И вдруг бычок остановился. Но слезть Хасану не удалось, потому что он, вскрикнув, перевалился через голову бычка и упал на зелёную травку.

Это ещё хорошо, что земля была травянистая и мягкая. Но всё же, когда Хасан пришёл в себя, он обнаружил, что коленка у него сбита до крови, рубашка на локте порвана и на лбу набухает огромная шишка. Хасан чуть не заплакал. Но заметил, как в сторонке стоял бычок и, наклонив голову, смотрел на своего незадачливого седока. Было видно, что бычок серьёзно жалел о случившемся. Поэтому Хасан не только не заплакал, но ему даже немножко стало смешно от взгляда бычка.

Скоро пришли взрослые и с тревогой начали осматривать Хасана: ссадину на лбу, поцарапанные локти и разбитую коленку. А потом стали шутить:

— Молодец, Хасан. А мы думали, что ты целый день бездельничал. А ты, брат, работал!

— Ну и Хасан! Охранял нашего Бойнака, не жалея себя.

— Это волки поцарапали твои локти?

— Нет, я сам,— сказал Хасан обиженным голосом, хотя знал, что дядя шутит.

И когда дядя Осман прижигал Хасану йодом разбитую коленку, Хасан даже не поморщился. И это не осталось незамеченным удивлёнными товарищами Османа. Они переглянулись, покачали головой.

— Ух, молодец! Я же говорю: джигит растёт на удивление!— воскликнул дядя Осман.

Ну что ж! Поразмыслив, Хасан решил: хорошо, что дядя

Осман не знает, отчего он весь разбитый да ещё замучил бычка. Дядя бы рассердился и, может быть, отправил бы Хасана домой. Но домой ему не хотелось. Потому что жизнь в коше становилась всё интересней.

Вечером пошли в кино.

Картина оказалась что надо. Там храбрые джигиты на полном скаку стреляли из винтовок. Падали люди, падали кони. Снова вставали и мчались вперёд.

А одно место в фильме понравилось больше, чем всё остальное. Молодой тореро, очень ловкий и храбрый, дразнил здорового быка с острыми, как кинжалы, рогами. Тот фыркал и метался, бросался вперёд, стараясь проткнуть тореро своими рогами. Но ничего не получалось. Смелый тореро ловко отходил от разъярённого зверя и потом снова наступал. И всё это повторялось многократно. А стадион был от восторга и восхищения.

Очень понравилась Хасану эта картина.

...Хасан сидел на лошади, уютно прислонившись к широкой и крепкой дядиной груди. Они возвращались сейчас совсем одни по узенькой тропке, потому что все давно ускакали вперёд.

— Смотри, какая ночь! Давай потише поедем, — сказал дядя.

Ночь и в самом деле была необыкновенная. Круглая ярко-красная луна повисла над снежными вершинами, облила их своим загадочным светом. Трава пахла так сильно и сладко — мёдом, мятой и просто свежестью, что могла закружиться голова. Но тишины не было в этот час. Воздух звенел и стрекотал — кузнечики хором распевали свои ночные песни. Это был действительно чудесный концерт, какого нигде не услышишь, кроме как здесь.

Хасану хорошо было покачиваться вот так в седле и вести с дядей неспешный мужской разговор, обсуждая то, что удивило его в кинофильме.

— Тебе не понравилась коррида? — спросил дядя. — Ну конечно, показали совсем мало и ты не успел ничего понять.

Это и спорт и искусство, всё вместе, понимаешь? Тореро должен быть настоящим мужчиной — сильным, ловким, красивым, должен иметь бесстрашное сердце и умную голову. Потому что он каждый раз рискует жизнью. Испанцы любят своих тореро, как мы, например, своих футболистов.

— Но ведь футбол совсем не похож на эту... как вы говорите?.. Корриду...

— Верно, не похож, — задумчиво откликнулся дядя. — Но вот я, например, понимаю, почему испанцы её так любят.

— Почему же? Я тоже хочу понять. Расскажите поподробней, пожалуйста.

Дядя Осман начал тихонько рассказывать, и в его рассказе очень часто встречались слова «отвага», «дерзость», «джигит»... Слова, которые значили для Хасана очень и очень много. Совсем другим представилось ему теперь то, что показывали в кино.

А ночью он во сне видел себя на месте тореро. Здесь уже не один бык, а много быков набрасывались на Хасана. Но он тоже ловко отпрыгивал от них и снова наступал. А с трибуны кричали люди: «Смелей, Хасан! Наступай, Хасан!», «Не бойся, Хасан, этого глупого быка!».

На трибунах сидели дядя Осман, пана, мама и бабушка.

Они тоже кричали: «Смелей, Хасан!»

Старый Бойнак тоже смотрел, от восторга покачивая своей огромной лохматой головой.

СРАЖЕНИЕ ХАСАНА С БЫЧКОМ

Дядя Осман и Хасан, как всегда, утром сделали зарядку. Но когда Хасан решил поваляться на траве, дядя Осман запретил:

— Трава ещё сырая. Пусть подсохнет роса, тогда можешь и полежать.

Трава действительно была сырая и холодная, но она так сладко пахла, даже та, где не было цветов. Хасан побегал немного, сбивая холодные блестящие капельки росы с вые-

ких стеблей. Вчерашний бычок стоял на том же месте, почёсывая бок об ограду. «Ну, мы с тобой ещё встретимся», — подумал Хасан, но дяде Осману ничего не сказал.

После завтрака Хасан вышел во двор и снова вспомнил вчерашнюю картину и свой сон. Очень понравилась Хасану та картина и сон тоже. Он стал ходить по двору в поисках хорошей палки. Из неё Хасан хотел сделать шпагу. Торедорскую шпагу. Наконец он нашёл, но палка была немного кривой. «Ничего, пусть будет сабля». Навострил её и подошёл к бычку, который лениво пощипывал травку у изгороди. У бычка вместо длинных острых рогов пока на лбу выступали два маленьких костяных бугорка.

«Ну ладно, на первый раз и такая подойдёт», — подумал Хасан о палке.

Он покрутился возле бычка, не зная, с чего начать. А тот будто и не замечал Хасана, продолжая лениво пожёвывать травку.

Пощекотал Хасан бычку бок своей деревянной саблей. А тот стоит совсем спокойно. Наверное, считает, что ему решили просто почесать бок. Хасана это немного разозлило. «Меня-то вчера скинул, а теперь и пошевелиться не хочет».

Хасан присел на камень, чтобы отдохнуть.

Могучий Бойнак, который обычно в это время дремал, положив лохматую голову на вытянутые вперёд лапы, тихо подошёл к Хасану.

— Ты, мой хороший и умный Бойнак, пришёл посмотреть, как я хочу проучить эту неразумную скотину? — сказал Хасан.

Бойнак только помахал хвостом и потёрся головой о ногу Хасана.

— Ну, ты посиди здесь, будешь вместо зрителя, а я сейчас...

Схватил Хасан свою саблю и ринулся на того бычка, который в прошлый раз так здорово обидел его. Но тот и ухом не повёл. Он стоял как вкопанный, как будто здесь не было ни Хасана, ни Бойнака. Казалось, его больше волно-

вали мухи. Они и в самом деле летали вокруг бычка, словно тот был мёдом смазан.

Всё это наконец совсем рассердило Хасана, и он начал своей деревянной саблей щекотать бычку ноздри. Сначала белолобый только мотал головой и закрывал глаза. Потом он сделал несколько шагов назад. Но когда Хасан начал сильно колоть его в бок, бычок не выдержал, разъярился. Он бросился на Хасана, наклонив голову и направив на него свои малюсенькие, но твёрдые рожки.

Тут Хасан, вместо того чтобы просто отскочить в сторону, начал удирать со всех ног. Бычок погнался за ним. А бегал он хорошо. Но Бойнак, верный друг Бойнак, тут же вскочил с места и бросился к бычку. Он забежал вперёд, начал яростно лаять, преграждая бычку дорогу, так что тот раздумал гнаться за Хасаном и повернул свои рожки на волкодава. Но разве этим напугаешь видавшего виды пса!

Вот так старый верный друг Бойнак выручил Хасана. А ведь бычок мог сбить Хасана с ног, забодать или наступить на него своими крепкими копытами.

Через час Хасан с Бойнаком сидели, как обычно, на крыльце. Хасан обхватил Бойнака за шею, прижался щекой к его тёплой морде. Пёс немножко потерпел, а потом решительно высвободил голову из рук Хасана. Он, видно, не переносил нежностей, потому что был гордый волкодав.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА ХАСАНА С ХОЗЯИНОМ ЛЕСА

Этого дня Хасан ждал, наверное, не меньше двух недель. Дядя Осман давно пообещал выбрать денёк, который он с утра до вечера проведёт с Хасаном.

— А что мы будем делать?— сразу же спросил Хасан.

— Будем делать всё, что ты захочешь. Я только с утра немного напишу, у меня накопилось много работы, а потом пойдём с тобой бродить.

И вот этот день пришёл. Дядя делал зарядку, и Хасан тоже. Дядя пил айран, и Хасан с ним — наперегонки, кто больше выпьет. Потом дядя уселся за какие-то бумажки и стал вписывать цифры в каждую клеточку, а Хасан сел на крылечке и принялся его ждать.

— Скоро? — спрашивал он время от времени.

— Сейчас, совсем немножко осталось.

— Скоро?

— Какой ты, Хасан, нетерпеливый! Как неразумный младенец.

У Хасана было слишком хорошее настроение. И он не стал обижаться на такие слова. Просто он не любил и ещё не умел ждать.

— Знаете, дядя, — сказал он, войдя в дом, — я, пожалуй, пойду пока к речке, на разведку.

— Только в воду не лезь.

— Я бы давно полез, — откровенно признался Хасан, — да Бойнак меня почему-то не пускает. Как нянька ходит за мной.

— Правильно он поступает, что не пускает. Там вода знаешь как несёт? В прошлом году одного телёнка еле выловили — тоже был любопытный вроде тебя.

Хасану совсем не понравилось, что его с телёнком сравнили. Но он не обиделся. Потому что настроение у него было хорошее и ни на кого в мире он не хотел обижаться.

Но Хасан удивился:

— Так что же, вы сами никогда на том берегу не были?

— Почему не был? Каждый день бываю. Там повыше мостик есть. Висячий.

— О! Я к нему пойду, ладно? Встретимся, значит, у мостика. Я там подожду. Хорошо?

— Хорошо, — рассеянно ответил поглощённый своими цифрами дядя. — Войнака только возьми.

Бойнак спал у крыльца, чуть похрапывая. Поразмыслив, Хасан решил его не будить. Пусть лучше увяжется за дядей.

Он взял свою любимую суковатую палку, которая служи-

ла ему и посохом и саблей, а порою даже конём, и отправился в путь.

Тропинка к речке была крутая и каменная. Хасан прыгал с камня на камень и во весь голос распевал замечательную песню:

— Резвятся ягнята, резвятся козлята у белой скалы на опушке...

Её особенно любили пастухи.

Голос Хасана далеко разносился по ущелью, а эхо возвращало песню, изменив её смешно и странно.

«Э-э! Э-э! Э-эй!» — пели горы вслед за Хасаном.

И вот наконец речка! Ишь как прыгает по камням! Да, дядя, пожалуй, прав, она может и унести. Хасан сунул палку в воду — и едва удержал её в руках. Конец тотчас рвануло течением. А шумит-то, шумит! Здесь не попоёшь — голоса своего не услышишь. Вот это речка, не то что та, которая дома!

И Хасан потихоньку пошёл вдоль речки вверх, пробираясь сквозь заросли орешника. Вдруг он наткнулся на куст лесной малины. Да спелая-то какая! Хасан прогнал пчёлку, которая вилась над ягодами, и собрал все ягоды до одной. Потом честно разделил пополам: в шапку — дяде, в ладонь — себе. Дальше идти было уже совсем весело.

Вот и мостик. Оказывается, прямо под боком. И как Хасан раньше его не видел? Да какой интересный мост! С одного берега на другой протянуты толстые железные канаты, а между двумя нижними аккуратно и плотно уложены коротенькие доски. И довольно высоко над рекой. Вот здорово, должно быть, с такого моста в воду смотреть! Почему нет такого моста в селе? Вот было бы весело ребятам.

Хасан бросил палку, взобрался на мостик и осторожно дошёл до середины. Мостик страшновато покачивался в такт его шагам, но Хасан решил не обращать на это внимание. Дядя-то ходит каждый день! А он немного тяжелее, чем Хасан. И ничего.

Он сел на край и свесил ноги. Речка сверху казалась

совсем прозрачной, прямо под мостиком её перегородивал огромный камень. Вода натыкалась на этот камень и сердито взметала мельчайшие брызги. Хасан склонил набок голову и вдруг увидел чудо: брызги-то не белые, они разноцветные — голубые, жёлтые, розовые... Хасан прищурился — радуга! Настоящая радуга! Ну и ну!..

Вдруг мостик сильно качнуло. Хасан испуганно обернулся и замер, не поверив своим глазам. На том берегу, куда он ещё не дошёл, стоял огромный тёмно-коричневый, почти чёрный, медведь. И стоял на задних лапах, как цирковой, дрессированный. Он внимательно смотрел на Хасана, но не двигался с места. Так они долго смотрели друг на друга.

У Хасана пересохло во рту. Бежать! Быстрее! Но вдруг ноги стали тяжёлые, и он почувствовал, что не сможет даже подняться.

А медведь вроде и не собирался что-либо делать. Он смотрел вполне дружелюбно и даже с некоторым любопытством. Ещё бы! Часто ли встретишься с обыкновенным мальчишкой вот так, с глазу на глаз.

«Может, это сумасшедший медведь? — мелькнуло у Хасана в голове. — Почему он стоит на задних лапах, как собака? Или дрессированный? Может быть, он убежал из цирка?»

И, словно обижаясь на такие подозрения, медведь снова сильно качнул мост.

— Ты что? — неожиданно для самого себя крикнул Хасан. — А ну, пошёл вон!

Медведь вздрогнул, отпустил канат и одним прыжком вскочил на мостик. Вид у него по-прежнему был вполне дружелюбный, и Хасан почувствовал, что страх его уступает место любопытству. Он тоже встал и повернулся лицом к медведю. Но тут снова присел и втянул голову в плечи, оглушённый выстрелом, раздавшимся за его спиной. Вслед за выстрелом раздался захлёбывающийся, хриплый лай Бойнака.

Медведь словно нехотя покинул мост и не спеша скрылся в зарослях.

Обернувшись, Хасан увидел Бойнака и дядю Османа с ружьём в руках.

— Что же не подождал меня? Сейчас же слезай! — негромко приказал дядя Осман.

И Хасан заметил, что лицо у него было испуганное.

— Я хотел перейти на ту сторону... — Хасан посмотрел на бледное лицо Османа и не стал больше говорить.

— А если бы этот медведь напал на тебя и... — Дальше Осман ничего не сказал. Но было всё понятно. Он, похоже, сильно волновался.

По дороге домой молчали. Только Бойнак был весёлый, как ни в чём не бывало. Он то забегал вперёд и ждал, то отставал и потом догонял.

— А почему ты его не убил? — спросил наконец Хасан. — Или ты промахнулся?

— Нет, я не промахнулся. Я просто не хотел его убивать. Очень мало у нас в горах осталось медведей. Я просто испугал его.

...Много ещё всяких приключений случилось с Хасаном

за то время, пока он был в коше. Он и сам не заметил, как кожа его стала совсем коричневой, а волосы твёрдыми, как проволоочки. От балкарского шипучего айрана силы прибавились. И ещё он почти не заметил, как быстро пролетело время и настала пора возвращаться домой. Это Хасан узнал, когда приехал за ним отец, и стало ему очень грустно.

Тяжело было расставаться с гостеприимным кошем, с пастиухами, с дядей Османом, который был немножко строгий, но очень хороший. И конечно же, долго прощался Хасан с Бойнаком. Лохматый пёс, словно чуя разлуку, долго тёрся головой о колено Хасана. А потом лизнул его руку.

Опять все трое — дядя Осман, Хасан и его отец — сели на лошадей и отправились вниз по крутой тропе. А Бойнак, решив, что как следует не попрощался, бежал за ними до самой речки. А потом он сел и ещё долго смотрел вслед удаляющимся всадникам.

— До свиданья, Бойнак! — крикнул ему Хасан. — Я приеду ещё. Я, честное слово, приеду!..

И горное эхо много раз повторило его обещание.

Так закончилось лето Хасана, моего юного соседа.

И СНОВА ШКОЛА...

Как бы хорошо ни было в горах, только сейчас почувствовал Хасан, что соскучился по дому, по селу. И это потому, что дома были бабушка, мама, папа, Алим и друзья. Возвращению Хасана бабушка радовалась больше всех. И так она его обнимала, будто он вернулся не с гор, а из космоса. Бабушка сразу заметила, что Хасан подрос и загорел.

Ну а потом она поставила на стол шипучий айран, горячие хичины с маслом, громадный кусок рассыпчатого сыра да ещё жареную индюшатину. Всего наставила, словно её любимый Хасан целый месяц голодал.

— Ну что ты, бабушка, так много, — сказал Хасан, глядя шершавую, всю в синих жилках руку бабушки.

— Ешь, милый мой ягнёночек, набирайся сил. Скоро ведь в школу!

Вот так всегда. Бабушка его сравнивает то с козлёнком, то с телёнком, то вот теперь с ягнёнком. Но Хасан не обижается: он знает, что это ласковые слова. Бабушка его очень любит и потому говорит всякие нежности.

Ну ничего, эти «нежности» скоро перейдут к Алимчику, который растёт так быстро. Тогда-то наконец начнут все называть Хасана джигитом, как его давно уже называет сосед, который всякие рассказы пишет.

— Ешь, ешь, второй класс — это уже не первый, — мимоходом говорит мама.

— Да, теперь, брат, труднее будет, — сказал папа.

— Я это знаю, — задумчиво произнёс Хасан, вытирая белые от айрана «усы».

Хоть и скрывал это, но по школе он очень соскучился. Друзья почти все отдыхали в лагере. Кто в городе у родственников жил. А старшеклассники работали на фермах. Помогали коров доить да сено складывать в стога.

Днём, когда родители ушли по своим делам, Хасан отпраился у бабушки и решил пойти посмотреть школу.

— Иди, иди, мой телёночек, иди. Да смотри сразу же возвращайся домой: готовиться надо!

И Хасан, на ходу застёгивая пуговицы новенькой куртки, побежал в школу.

— Что, соскучился небось? — добродушно встретил его старый Азрет, который днём подметал двор школы, а ночью сторожил.

— Да, — признался Хасан, — можно зайти посмотреть?

— Ну ладно, так и быть, разрешу. Иди только по доскам, а то краска-то на июле не успела высохнуть.

— Как здорово! — воскликнул Хасан. — Ну просто совсем новенькая стала школа. Вот это да!

И громкое «да-а!» эхом отозвалось в пустых классах и коридорах. Запах краски сладко щекотал в носу, и очень хотелось потрогать парты, стены и двери руками.

За спиной стоял старый Азрет и тоже улыбался, любуясь обновлённой школой.

...Прошло ещё несколько дней. Ветерок с гор, который редко дул летом, да и то вечерами перед дождём, теперь чаще гладил по щеке своей прохладной ладонью.

И наконец, первое сентября, радостный день не только для детворы, но и для всех жителей села.

Всё как в прошлом году. Нарядно одетые бабушки, папы и мамы с малышами-первоклашками идут в школу. Кругом — цветы. Много цветов и музыка. Как в праздник. Да разве это не праздник! Да ещё какой!

Вдруг Хасан заметил коротыша Борьку и ушастого Махмута, которые так завидовали в прошлом году Хасану. А сейчас они шли со своими мамами, и в руках у них сверкали блестящими уголками и замками новенькие портфели.

И Махмут и Борька шли, ни на кого не обращая внимания, они были такие надутые и важные, что Хасана это даже развеселило. Но он не стал смеяться. Он просто подошёл к ним и поздоровался: не волнуйтесь, мол, всё будет в порядке.

А волновались, в общем-то, больше мамы и бабушки, нежели сами первоклашки.

Зазвенел звонок, такой звонкий и залиvistый, словно целое лето он тосковал по этому радостному дню. И огромная толпа зашевелилась. А учительницы повели своих первоклашек в классы.

Учительница второго класса, Фатимат Борисовна, тоже повела свой класс и начала рассаживать ребят. Хасану очень хотелось сидеть у окна, откуда открывался красивый вид на речку. Речки самой, правда, ещё не было видно. Деревья и кусты хоть и порыжели, но стояли при всех листьях и закрывали её. А шум речки был слышен отчётливо даже при закрытых окнах.

Учительница посадила Хасана совсем на другое место, а рядом с ним соседскую девочку Тамару. Она была ничего. Не ябеда и не плакса. Такая тихая. Может, поэтому он её почти

не замечал, хотя в первом классе они учились вместе. А теперь можно сказать, что она даже красивая. Тугие косички были завязаны красными лентами, а возле ушей были такие смешные завиточки волос. Глаза у неё были большие, а нос, правда, немножко облезлый. Но это пройдёт.

Казалось, Хасан её не интересовал, несмотря на то, что тоже был одет в форму, с белым платочком в кармашке, подпоясан блестящим ремнём. Она всё время смотрела на Фатимат Борисовну, подперев щёки кулачками и высоко подняв голову.

После того как поздоровались, Фатимат Борисовна поздравила ребят с началом учебного года. «Спасибо!» — разноголосо прозвенело в классе.

— На первом уроке, ребята, вы должны рассказать, кто как провёл летние каникулы. Я надеюсь, что это будут очень интересные рассказы.

Хасану, конечно, было о чём рассказать. О кошке, где он подружился с лохматым волкодавом Войнаком, о бычке, на котором так неудачно проехался, о встрече с медведем на висячем мостике и ещё кое о чём. Но соседка Тамара так высоко тянула руку, даже привстала, что Хасан решил пока подождать. Пусть она первая расскажет. Видно, очень интересно провела она летние каникулы.

Оказалось, что она ездила к тёте в Нальчик и там почти каждый день ходила в зверинец. Уж Хасан-то зверей видел не в клетке, а на свободе. И рассказ про медведя, с которым он встретился, был бы куда интереснее, но он пока решил подождать. Во-первых, он мог обидеть Тамару, во-вторых, кому докажешь, что чуть не поздоровался с настоящим медведем, хотя это видели дядя и лохматый Войнак. Очень жаль, что они остались в горах.

БАБУШКИНЫ ЛОКУМЫ

Много дел и забот у бабушки. Но первым делом, главной заботой считает она вкусно накормить любимого внука Хасана. Это для бабушки и главное удовольствие, и главная радость.

А начинается всё с самых ласковых слов: «Поди-ка сюда, мой ягнёночек. Угощу тебя, накормлю. Видят мои глаза, какой ты голодный и несчастный. Садись-ка, мой телёночек, вот сюда. Уж так я сейчас попотчую своего цыплёнка...»

Вот так всегда. Каждый день и всё время. Пока Хасан в школе, дома для него обязательно что-нибудь вкусное приготовят. Пришёл — помой руки, садись за стол. Это такое правило.

— Сейчас, мой козлёнок, сию минутку, мой соколёнок, — говорит бабушка. А её проворные руки делают своё дело: приносят целую гору румяных, вкусно пахнущих пышных локумов.

— Зачем так много, бабушка?

— Не разговаривай, мой волчонок. Молчи и ешь, а то помрёшь с голоду, несчастный. Вот белый рассыпчатый сыр, вот локумы, вот ты.

— Хорошо, — сказал «ягнёночек». — Сейчас, — молвил «козлёночек». — Покушаем, — сказал... кто там? А! «Соколёнок».

Раньше бабушка говорила: «Вот это ешь за ягнёночка, вот это — за козлёночка, а вот это... В общем, перечисляла всех, кто обитал во дворе большого сельского дома. Не пропускала и котёнка, и щенка, и даже важную и гордую индейку.

Но однажды Хасан сказал:

— Пусть каждый ест за себя. Так будет справедливо.

— Верно, мой... — немножко растерялась бабушка, но нашлась: — Ты же растёшь? Растёшь. А чтобы быстрее рос, много надо есть.

— Хочу быть как отец, — сказал Хасан, глядя на гору ру-

мяных локумов. — Большим и сильным. — И взял в одну руку локум, в другую кусок сыра.

— Но договоримся, — сказала бабушка, — и локум, и сыр ты должен съесть одновременно. Договорились?

— Договорились! — сказал Хасан, не уловив бабушкину хитрость.

Оно, конечно, верно, что лучшие в мире локумы — бабушкины. И сыр — что надо. Но Хасан съел весь локум, а в другой руке остался кусочек сыра. Бабушка дала новый локум. Однако скоро закончился сыр, а остался кусочек локума. Что делать? Пришлось взять новый кусок сыра. Потом локум закончился раньше сыра.

Вот тут-то Хасан заметил бабушкину хитрость. Но что поделаешь — договорились ведь! Тогда Хасан стал есть не спеша. К тому же он был почти сыт. А когда и локум, и сыр закончились одновременно, он вытер руки и сказал:

— Спасибо, бабушка!

— На здоровье, мой ягнёночек... — Далее бабушка перечислила всю живность двора.

У бабушки было прекрасное настроение. Удивительная она. Радует, словно не она угощала Хасана, а сама угощалась вкусными локумами и белым рассыпчатым сыром.

ИНОСТРАНЦЫ И СТРОПТИВЫЙ ОСЛИК

То ли потому, что лето выдалось очень жаркое — даже вся кукуруза пожухла, — то ли по другой причине, но осень в этом году пришла раньше обычного.

Для Хасана, да и не только для Хасана, но и для всех его друзей, это время года было не менее весёлым, чем жаркое лето.

Холмы все вокруг окрасились в красные и жёлтые цвета, как хвост соседского петуха, которого отец называет охрипшим будильником. По небу всё чаще плывут большие и маленькие облака. Изредка идёт дождик, напоминая о том,

что настоящая осень не за горами. На самых высоких горах уже лежит снег, и теперь они не голубые, а белые. Потому и вечера стали прохладнее.

Изменился и месяц. Раньше он останавливался над высокой вершиной, словно хотел зацепиться своим острым рогом за неё и ещё немножко посмотреть на село.

Теперь месяц рано прятался за гору, словно быстро уставал и ему хотелось спать.

Но так или иначе, осень, конечно, тоже весёлое время года. Именно осенью вдоволь всяких фруктов и сколько хочешь жареных кукурузных початков. И ещё — осенью бывает много свадеб. Туда таких, как Хасан, конечно, редко пускали, но конфеты, пряники и другие сладости доставались почти всем ребятам.

Но то, что случилось недавно, тоже было интересно.

А было так.

Вернувшись из школы, Хасан решил сразу же переодеться и побежать на улицу. Но бабушкины локумы были так румяны да так вкусно пахли, что он решил немного задержаться. Тот, кто ел румяные локумы, обмакивая их в сметану, да ещё с желтоватым сыром, тот, конечно, знает, что это очень вкусно. И кроме того, если хочешь обрадовать бабушку, так ешь их при ней. И чем больше, тем лучше. Уж так она радуется, словно не ты ешь эти чудесные локумы, а она сама. В этом отношении все бабушки, наверное, одинаковы.

Так вот, в тот самый момент, когда Хасан уплетал уже третий локум, в дверях показалось круглое и румяное, как локум, лицо толстоногого Махмута. Бабушка угостила и его. Махмут сначала долго ломался. Для приличия, конечно. Но, убедившись, что слюны уже не удержать, он взял один локум и тут же, испачкав нос и подбородок, быстро съел его и сказал Хасану:

— Иностранцы приехали. У сельсовета остановились. Такие смешные!

— Ну и что же? — словно бы равнодушно сказал Хасан, стараясь не удивляться сообщению этого перwokлашки.

— Пошли, Хасан. Не пожалеешь. Они такие интересные. Хасан будто бы нехотя поднялся из-за стола и не спеша пошёл за Махмутом, семенившим своими короткими толстыми ногами.

Иностранцы приезжали в село нередко. Вернее, они приезжали не в село, а к подножию Эльбруса, чтобы взобраться на него или хотя бы полюбоваться им с другой, более низкой горы. Но приехать туда, не заезжая в наше село, было просто невозможно. Поэтому они здесь останавливались на короткое время и потом ехали дальше.

Возле сельсовета действительно было полно народу. Иностранцев обступили все, кто в это время оказался поблизости. Чья-то бабушка принесла большой белый бидон с холодным айраном, чтобы путешественники могли утолить жажду.

Заморские гости были очень шумные, весёлые и на редкость разговорчивые. Переводчики нашлись тут же. Это были учительница английского языка и два десятиклассника. Они наперебой переводили всё, что говорили гости и что говорили хозяева.

Хасан с трудом протиснулся сквозь толпу и начал разглядывать иностранцев. Старший из них был в больших чёрных очках и удивлялся всему. Даже и вовсе не удивительным вещам. Школа ему понравилась, Дом культуры и все дети, которые с большим интересом смотрели на иностранных туристов, тоже очень понравились.

Вдруг самый разговорчивый из гостей заметил вдали, у стадиона, спокойно пасущегося ослика и быстро зашагал к нему. Все остальные с шумом и непонятными восклицаниями ринулись за ним. Хасан, Махмут и другие ребята тоже побежали за гостями.

Ослик в недоумении пошевелил мохнатыми ушами и вновь принялся равнодушно пощипывать травку. Но гости плотным кольцом окружили его и начали гладить, приговаривая какие-то нежности.

Высокий иностранец подозвал Хасана и помог взобраться на ослика, хотя Хасану и самому это было не так сложно

сделать. Ослик спокойно позволил на себя сесть. Тут со всех сторон защёлкали фотоаппараты гостей. И тогда ослик, понявший, наверное, ответственность момента, гордо вскинул голову, хлестнул хвостом себя по боку и начал шевелить ушами. Правда, одно ухо шевелилось больше другого.

Хасан решил, что долго сидеть на осле неинтересно, и прыгнул на землю. Но после него гости и сами пожелали сфотографироваться на ослике. И тут он, этот невежливый и своенравный «скакун», так отчаянно начал брыкаться, что толпа гостей недоуменно раздвинулась. А вообще-то он брыкался, наверное, не оттого, что гости ему не понравились, а по другой причине. Ослику не понравились ярко-красная рубашка и короткие кожаные штаны одного из гостей. Ослик повёл ушами да и побежал в сторону дороги. Гости — за ним. И вот всё это успел сфотографировать сосед Хасана, который пишет всякие рассказы.

Теперь ослик стал вести себя совсем невежливо. Он сначала позволял себя догонять, и, когда иностранцы пытались сесть на него, ослик опять начинал брыкаться как сумасшедший и пускался вскачь. Этот строптивый ослик здорово позабавил гостей, которые скоро порядком устали.

Но вот показался «газик» председателя сельсовета, и он, остановив свою машину, пригласил иностранцев в Дом культуры. Там в одной из комнат их ожидало горское угощение.

Увидев, что люди ушли, зловредный ослик спокойно вернулся на прежнее место и так же спокойно стал пощипывать зелёную травку. Он даже не посмотрел на Хасана, который тихонько погладил его влажную и тёплую спину.

Наверное, обиделся или устал от беготни. Кто знает!

ЗЕРНО НАРТОВ

Газеты писали о нартухе, радио говорило о нартухе, и по телевизору тоже показывали поля, где зрел нартух. Особенно много говорили о нём осенью, когда отец очень рано

уходил из дому и возвращался поздно. Он тоже рассказывал дома об этом нартухе.

Нартух — это обыкновенная кукуруза, которую Хасан любил есть в жареном виде. И вот он решил узнать о ней больше, чем знал. Но кто лучше мог рассказать о кукурузе, чем его отец, который был известным кукурузоводом.

Однажды, когда после сильного дождя отец вернулся рано, Хасан решил спросить его о нартухе. Отец был очень недоволен погодой, которая мешала уборке. Поэтому Хасан немного заколебался. Но когда тот поужинал и не спеша начал разворачивать газеты, Хасан подошёл к отцу и тихо спросил:

— Расскажи, пожалуйста, про кукурузу и про то, почему её называют нартух.

— Э, да ты, брат, начал интересоваться нартухом! Это похвально, — оживился отец.

Он пересел на диван и Хасана посадил рядом.

— Нартух — это значит «зерно нартов». О нартах ты знаешь. Это были сильные и честные люди, которые в далёкие времена населяли наши земли. Кроме того, они были очень трудолюбивые и воинственные. Потому что на них часто нападали иноземцы. А чтобы трудиться и жить спокойно, нередко приходилось брать в руки меч и садиться на боевого коня. В нужное время они убирали мечи в ножны и сеяли нартух. Он их кормил лепёшками и чуреками, их быстроногих коней тоже кормил. И даже напитки из нартуха делали. Кроме того, это чудесное зерно нравилось и соседним народам. Поэтому нарты меняли нартух на другие вещи, которые были у соседей. Жизнь нартов без этого чудесного зерна была бы просто невозможна. Они берегли каждое зёрнышко, чтобы посеять его и получить сотни новых зёрен.

— О нём и сейчас много говорят, — вставил Хасан.

— И это не удивительно, — сказал отец. — Сейчас мы получаем большие урожаи нартуха. Теперь для этого есть разные машины, земля наша любит нартух. Если хорошенько

её обрабатывать, чтобы сорняки не мешали, да всяких вредных насекомых уничтожить, поливать когда надо, тогда нартух получается на славу. Только успевай его убирать. По правде сказать, убирать его гораздо труднее, чем сеять. Вот и сейчас хлещет дождь, а крупные, зрелые початки стоят и ждут наших машин. А без машин разве успеешь убрать? Много нам надо нартуха, хотя мы больше пшеничный хлеб едим... Наша маленькая республика лучшие зёрна нартуха посылает на семена в разные края, чтобы на других землях тоже зрел золотистый нартух. Поэтому надо из года в год собирать этого зерна всё больше и больше.

Хасан слушал неторопливый рассказ отца о кукурузе-нартухе очень внимательно. Отец немножко помолчал и сказал:

— Если хочешь, я покажу, как убирают машиной это зерно нартов.

— Очень хочу, — сказал Хасан. — Возьми меня, пожалуйста, с собой.

— Хорошо. В воскресенье, когда у вас в школе выходной. Только чтобы с уроками был порядок. Договорились?

...Это был счастливый день. С самого раннего утра светило солнышко. На небе ни облачка. И хоть во всём была видна настоящая осень, всё же день был тёплый и безветренный.

Отец разбудил Хасана очень рано, в тот самый момент, когда он видел сон про нартов, выращивающих свой знаменитый нартух.

— Вставай, сынок, — тихо тронул отец Хасана за плечо. — Если не передумал, поехали на поле. Горячий будет денёк.

Хасан проснулся сразу и понял, что это значит — горячий денёк. Когда взрослые осенью говорили про горячий денёк, это означало, что погода хорошая и работа на поле будет продолжаться с утра до самой ночи.

— Давай поторапливайся, по-солдатски, — сказал отец и вышел во двор.

«По-солдатски» — это Хасан тоже знал. Значит, зарядку сделать быстро, позавтракать, не теряя ни минуты. Вот что значит «по-солдатски».

У комбайнов возились механизаторы — друзья отца. Хасан с ними поздоровался.

— Здравствуй, здравствуй, Хасан, — дружно ответили загорелые дяди и по одному поздоровались с ним за руку.

— Мы теперь не хотим соревноваться с твоим отцом, — сказал механизатор, которого звали Магомет.

— Это почему? — спросил отец.

— Потому, что вас уже двое. Отец и сын. А мне с вами с двумя трудно соревноваться.

Магомет, как понял Хасан, любил пошутить. Поэтому отец тоже ответил шуткой. Уж Хасан-то знал, что с его отцом соревноваться трудно.

Скоро подъехал «газик» главного агронома, и механизаторы

торы немножко поговорили с агрономом и сразу побежали к своим комбайнам.

— Садись вот здесь и держись крепче,— сказал отец и повёл свой «корабль» в самый конец кукурузного поля, другого конца которого не было видно.

Потом подъехал грузовик, и началась работа. Обыкновенная работа по уборке кукурузы.

Комбайн взял свою полосу и медленно двинулся вперёд. Высокие жёлтые стебли кланялись ему один за другим, а в кузов грузовика, который пристроился сбоку, уже полетели первые початки. Шум комбайна и грузовика, звонкое шуршание кукурузы — всё слилось в один гул. А отец всё смотрел вперёд, чтобы не выйти из полосы, только изредка поглядывал на грузовик, что сбоку, и на Хасана, который с восторгом смотрел, как комбайн своим китовым ртом пожирал высокие стебли, а потом будто небрежно швырял початки в кузов машины.

Солнце уже поднялось, и впереди комбайна повисла его короткая тень.

— Хочешь за штурвал? — вдруг спросил отец, повернувшись к Хасану.

— Хочу! — крикнул тот и крепко ухватился за штурвал.

— Так-так, — говорил отец, едва касаясь широкой ладонью руки Хасана.

Сильно трясло, но Хасан со всей силы вцепился в этот штурвал. Рот его был чуть приоткрыт, глаза блестели, словно он вёл не комбайн, а гигантский самолёт. А початки всё летели в кузов грузовика. Шофёр уже вылез из кабины, стоял на подножке машины и держал руль одной рукой.

— Хватит, Хасан, — сказал отец, — для начала довольно. Отдохни. Это, брат, тебе не трёхколёсный велосипед.

После обеда Хасан нехотя уехал домой на «газике» главного агронома. Он бы до самой ночи проработал, но отец сказал, что на первый раз хватит и, кроме того, уроки надо готовить.

Хасан спорить не стал, ведь отец был прав. Зато завтра

в школе он мог ребятам рассказать, как сидел за штурвалом настоящего комбайна, который убирал богатырское зерно, которое называется нартух.

ДЖИГИТ Я ИЛИ НЕ ДЖИГИТ?

— Уу-уу, у-уу... ий-ий-ий...

— Что случилось, джигит? — спросил отец, увидев Хасана, который сидел на краешке дивана и тихонько скулил. Как та собачка, кем-то покинутая или обиженная.

— Зуб заболел, — сказал Хасан, не отрывая ладони от щеки.

— Да-а, невесёлое дело. А по правде сказать, так и вовсе грустное, — сказал отец. Он положил газету на стол и присел рядом. — Но ты немного потерпи, а утром пойдёшь к доктору, и он вылечит твой зуб.

— Не-ет. Не пойду. Там больно делают. Там, я слышал, острым сверлом продырявливают зуб. И-и-и...

— Чуть-чуть, конечно, бывает и больно. Но другого выхода нет. Так что хочешь не хочешь, а без доктора не обойтись.

— Уу-уу, ий-ий-ий, — провыл Хасан в ответ.

Когда вернулись мама и Алимчик, который уже ходит в детский сад, зуб разболелся ещё больше. Алимчик по глупости, конечно, хотел было подразнить старшего брата, но не стал этого делать, до того был у Хасана жалкий вид. Алим даже пожалел его впервые в жизни.

— Хочешь, я последнюю конфетку тебе отдам? — сказал младший брат, обшаривая свои карманы.

— Пошёл вон со своей дурацкой конфеткой вместе! — застонал Хасан и даже впервые в жизни замахнулся на Алима.

— Поди, Алим, разденься, помой руки. А я попробую помочь твоему брату. Видишь, как тяжело человеку.

Так сказала мама и, достав из аптечки какую-то таблетку, стала её мять между двумя ложками. Сделала из таблетки порошок и положила на больной зуб. Скоро боль немного утихла. Не то чтобы совсем исчезла, но стала меньше. Можно было терпеть и не скулить.

— А завтра пойдём к доктору, — сказала мама.

— Нет-нет-нет! Ни за что на свете! — сказал Хасан, который думал, что скоро боль совсем пройдёт.

— А если вновь заболит?

— Тогда ещё положим лекарства. И вообще, скоро придёт бабушка и она что-нибудь придумает.

Но бабушка, узнав, в чём дело, вместо того чтобы помочь, стала Хасана всячески жалеть.

— Уой, лучше бы я сама заболела! — запричитала она. — Уой, лучше бы я умерла, чем видеть страдания моего любимого внука, моего ненаглядного ягнёночка!..

От такой жалости зуб разболелся ещё больше. И Хасану вдруг захотелось как следует заплакать.

Но скоро бабушка тоже заладила про доктора:

— Потерпи, мой козлёночек, до утра. А уж тогда доктор...

— Не пойду к доктору-у-у!.. — провыл Хасан, крепко прижав ладонь к щеке. — Уий-ий-ий...

— Ну хорошо, мой козлёночек, — спокойно сказала бабушка, но каким-то хитроватым тоном. — Зуб поболит и выпадет. Потом другой поболит и тоже выпадет. И так все зубы выпадут, и болеть будет нечему.

Хасан насторожился. Он вообще-то не представлял жизни без зубов.

— Конечно, — продолжала бабушка, — можно бы и полечить зуб. Но можно прожить и без зубов. Живут же без зубов, правда, короткое время, младенцы. Конечно, тогда невозможно будет есть ни конфет, ни яблок, ни шашлыка, а про твою любимую варёную кукурузу и говорить не приходится... Зато всякие бульоны, шурпу можно пить, и молоко тоже, есть всякие манные и пшённые каши. Для всего этого зубов не потребуется. А что до конфет и яблок, так пусть

их едят те, кто при зубах или вовремя полечил свои зубы.

Сказав это, бабушка тяжело вздохнула и горестно покачала головой.

А Хасан задумался. До того крепко задумался, что и зубная боль вроде бы поутихла. Уж очень встревожили его слова бабушки. Что это будет за жизнь без конфет и яблок, без хорошего шашлыка и замечательной кукурузы? Другие будут всюду уплетать сочные, вкусные яблоки и самые сладкие конфеты, а ты смотри да облизывайся? Алим опустошай коробку с «Каракумами», а он с манной кашей? Разве это жизнь?

В полночь зуб разболелся снова. Бабушка сделала тёплый компресс из соли. Полегчало. Заснул. Но сны были ужасные. Доктор раздавал детям конфеты и яблоки. А потом подошёл к Хасану и сказал: «Ешь, несчастный!» И поставил перед ним огромную тарелку с манной кашей.

Проснулся Хасан рано. За окном на ветках щебетали глупые птички. Им, конечно, было весело. Им не снились зубные врачи. У них, наверное, никогда не болели зубы.

А у Хасана никак из головы не выходят слова, сказанные бабушкой. И снова зуб заныл...

Хасан вышел прогуляться и случайно набрёл на амбулаторию. Завернул во двор этого красивого дома. На первом этаже — кабинет зубного врача. Он это знает, потому что рядом кабинет, где недавно прививки всем делали. Там тоже Хасан немножко дрожал от страха, но совсем не было больно. А тут... Слышались какие-то разговоры. Хасан вышел во двор и подошёл к окну зубного врача.

Там женщина в белом халате кого-то лечила. Но кого, Хасан не сразу разглядел. Постоял чуть-чуть... Да это же Махмут! Один из самых лучших друзей Хасана.

— А ты что здесь делаешь? — удивился Махмут, заметив Хасана.

— Да так... гуляю. Просто хожу. А ты зуб лечил? Не больно?

— Нет. Так себе. Чуть-чуть... То есть, вообще-то больно, конечно. Но разве я не мужчина? Разве я не джигит? — сказал Махмут, широко улыбаясь. — Это, брат, не просто. Но я, сам видишь...

Махмут хвастался самым бессовестным образом. Конечно, ему легче. Он уже побывал у зубного врача. А каково тому, кто ещё там не побывал?

Махмут всё говорил и говорил. О том, что шапку носящий, то есть настоящий мужчина, не должен бояться не только какого-то там маленького железного сверла, но и даже вражеского штыка. Бывает, мол, в жизни всякое, посерьёзней бывают вещи...

А Хасан думал о другом. «А я что, разве не мужчина? Разве я не джигит? Уж, во всяком случае, не трусливей этого Махмута».

Он вспомнил случай, когда они с саблями-прутиками напали на крапиву. Уж Хасан там отличился, хотя и был немало искусан злющей крапивой. А как вёл себя Махмут? Это сейчас он и «джигит», и «мужчина». Давно, конечно, это было, но было ведь?

Хасан и сам не заметил, как, решительно шагая, очутился в кабинете доктора.

— Садись. Ну рассказывай, когда заболел зуб?

— Вче-вчер-ра ещё, — произнёс Хасан каким-то жалким голоском. Жалким и тоненьким. И стыдно стало вдруг из-за своего страха.

— Ну тогда не беда! — весело сказала эта, наверное добрая, женщина. — А то некоторые очень трусливые люди ждут, пока зуб совсем не разрушится. А когда придут, уже удалять надо. А твой чуточку полечим, и все дела...

Она говорила и говорила, а руки делали своё дело. А Хасан повторял про себя: «Джигит я или не джигит? Что такое зуб? Костяшка маленькая, и всё. Чуток подлатают, и все дела. Зато потом...»

— А ты, парень, из крепких, — сказала доктор, когда всё было закончено. — Ну чего сидишь, вставай. Дома часок потерпи — не кушай ничего. Всего часок.

— А потом? — тихо спросил Хасан.

— А потом ешь что хочешь.

— И яблоко можно?

— И яблоко.

— Можно и конфеты?

— Можно и конфеты. Но помни одно правило: каждый раз перед сном обязательно...

— Знаю, знаю! — оживился Хасан.

Домой он вернулся в весёлом настроении.

А когда приехал из Нальчика любимый дядя, и Хасану, и Алиму досталось по коробке чудесных конфет.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Однажды в класс пришла новая учительница. Её звали Нафисат Ибрагимовна. Она была во всём синем. Платье синее, кофточка синяя, туфли синие, и даже глаза синие. Хасана это немножко рассмешило. А что, если она оденется

в жёлтое или красное? Глаза-то ведь не покрасишь. Они такими же синими и останутся.

Но ничего. Это неважно. Важно было другое. Нафисат Ибрагимовна была учительницей русского языка. Хасан это знал. Но ему показалось, что учить русский язык очень легко и он будет получать по этому предмету одни пятёрки.

Кто же не знает русского языка? Только малыши, которые и по-балкарски-то еле лепечут, да очень, очень старые бабушки.

Хасан по-русски говорил хорошо. А вообще-то без русского языка было бы очень туго.

Ещё бы! В селе, где жил Хасан, жили русские, кабардинцы, осетины, грузины и армяне. Если бы не русский, пришлось бы изучать и кабардинский, и осетинский, и грузинский, и армянский, и всякие другие языки.

Поди попробуй! И правильно решили люди, выбрав общим языком русский. Он всем понятный, и по-русски можно говорить со всеми. Все поймут. И всем он нравится, этот русский язык. И Хасану тоже.

Поэтому, когда начали учить русский язык, Хасан, как и все ребята, обрадовался. Но слишком рано решил он, что по русскому можно получать только одни пятёрки.

Скоро произошла одна неприятность, которую Хасан будет помнить очень долго. И всё из-за русского языка. А если сказать по правде, так язык тут не был виноват. Виноват был сам Хасан. И всё же...

Так вот, однажды задали на дом выучить басню Крылова «Ворона и Лисица». Басня весёлая, смешная. Про хитрую лисицу и глупую ворону. Хасан начал учить басню: «Вороне где-то бог послал кусочек сыру», и всё такое.

Он довольно быстро выучил басню. Вечером бабушке сказал, чтобы следила, а он бы рассказывал. Но бабушка куда-то подевала очки и следить не стала. Пришлось ждать маму. Но мама, оказывается, знала басню про ворону и лисицу наизусть. В этом Хасан быстро убедился. Он запнётся, и мама тут же подсказывает.

Утром Хасан перед зеркалом прочитал басню с выражением. Потом, когда он решил прочитать басню за завтраком, папа почему-то его прервал:

— Ты уже надоел со своей глупой вороной и этим дурацким сыром.— У папы, наверное, было плохое настроение.

А в тот день урок русского языка был третьим.

— Здравствуйте, ребята!— поздоровалась Нафисат Ибрагимовна.

— Драсть!— невпопад сказали ребята. Даже не сказали, а выкрикнули.

— Садитесь! Ну что ж, посмотрим, как вы выучили урок. Кто желает первым рассказать басню Ивана Андреевича Крылова «Ворона и Лисица»?

— Я!— громко сказал Хасан, вытянувшись вперёд с поднятой рукой, и даже привстал с места.

Подняли руки и другие. Но учительница посмотрела в его сторону и сказала:

— Ну что же, послушаем, Хасан, тебя.

Он быстро, почти бегом, прошёл к доске, руки по швам, и начал:

— «Ворона и Лисица»!

От волнения, наверное, получилось с хрипотцой. Пришлось повторить. И на этот раз вышло получше:

— Вороне где-то бог послал кусочек сыру;

На ель Ворона взгромоздясь...

Последнее слово было трудное. Это самое «взгромоздясь» он повторил дома, наверное, раз сто. Но здесь получилось хорошо. Дальше пошло гладко. И Хасан уже почти видел перед собой эту глупую ворону с сыром в клюве и очень рыжую и очень хитрую лисицу. Хасан менял голос, читал выразительно, а ребята в классе даже замерли. От зависти, наверное, и от того, как он хорошо читал. Получалось звонко и складно:

— ...Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрышки! какой носок!

И, верно... и, верно... и, верно...

Какая досада! Всё так гладко шло! «И верно...» Хасан почувствовал вдруг, как спина похолодела, а лицо стало горячее. Он звонко проглотил слюну, но это проклятое слово никак не вспоминалось. В классе начали шушукаться. А Нафисат Ибрагимовна ждала. Но что было за этим «верно», Хасан никак не мог вспомнить. Он встряхнулся и повторил:

— Какие пёрышки! какой носок!

И, верно... и, верно...

— Английский,— подсказал кто-то.

— И, верно, английский...

Тут по классу прокатился лёгкий смешок.

— Немецкий,— подсказал ещё кто-то.

— И, верно... немецкий,— почти шёпотом сказал Хасан.

И тут весь класс взорвался дружным смехом. Не смеялась только Нафисат Ибрагимовна. Она сердито посмотрела, и класс потихоньку умолк.

— «И, верно, ангельский быть должен голосок»,— подсказала учительница.

Хасану было очень обидно. Он, конечно, дальше рассказал без запинки. Но уже без выражения и очень быстро, словно хотел поскорее избавиться от этой глупой вороны и хитрой лисицы, чтоб она подавилась этим сыром, из-за которого Хасан пострадал больше, чем дурёха ворона.

Хасан не знал, какую оценку поставила ему Нафисат Ибрагимовна. Какая разница! Ясно одно: из-за этого «ангельского голоска» он пострадал, как никогда. И почему он дома не спросил, что это за слово — «ангельский»? А эти — тоже мне: «английский», «немецкий»... Сами не знают и по-человечески не могут подсказать.

Хасану от стыда хотелось спрятаться под парту. Он втянул голову в плечи и даже не мог посмотреть на тех, кто хоть и не выразительно, но без запинки, как из пулемёта, строчили эту басню про сыр, про лисицу, про ворону и про — будь он неладен! — ангельский голосок.

Самое обидное было потом. Целый месяц его дразнили

«английским голоском». Хасану очень хотелось дать обидчикам по носу. Но он сдержался. Когда тебя дразнят и ты показываешь обиду, ещё больше будут дразнить. А если из-за этого драться, и того хуже. И в классе накажут, и дома влетит.

И Хасан стерпел. Но он понял ещё и другое. Русский язык может такие задачки задать, что потом и сам над собой будешь смеяться. Оставалось только одно — спрашивать каждое непонятное слово. И ещё Хасан понял: чтобы хорошо выучить русский язык, надо понимать каждое слово. Недаром папа сказал, что русский язык, как море, безбрежный и глубокий!

ПОРТРЕТ ОТЦА

Отец Хасана считался одним из лучших механизаторов колхоза. Вот уже больше десяти лет он выращивал нартух, и, как говорили, мало кому удавалось обогнать его в этом деле. Когда в газетах о нём писали, часто рядом с его именем ставили слово «мастер». Хасан любил такие статьи читать дома вслух, а бабушка с удовольствием слушала и покачивала головой. Она была довольна и сыном, о котором так хорошо говорили, и внуком Хасаном, который мог прочитать напечатанное в газете.

Но сам отец не любил, когда эти статьи читали при нём. Из скромности, конечно. Уж Хасан-то видел, что такие статьи отец всё-таки читал, когда оставался один. Конечно, кому не понравится, когда его хвалят!

Хасан вспомнил случай. Когда он ещё не учился в школе, он нацепил на рубашку две медали и орден отца и вышел во двор. Но Мухтар сказал, что всё это сначала надо заработать, а потом носить. И обозвал Хасана хвастуном. С тех пор Хасан ни разу не похвастался своим отцом. Он только гордился им, таким сильным и известным всей республике.

И вот однажды отец поехал в Нальчик на большое собрание передовых кукурузоводов. Когда он вернулся, из города

приехал художник и сказал, что будет рисовать портрет отца. Художник был одет в бархатную куртку и штаны-джинсы. На шее, как пионерский галстук, повязана косынка, а на голове очень потёртый берет. Художник сказал, по какому делу он приехал, и снял с плеча свой большой и плоский фанерный чемодан, в котором, наверное, были краски.

Бабушка с удивлением осмотрела странно одетого гостя с рыжей бородкой и длинными волосами. Но ничего не сказала, а начала его угощать.

Не спеша поев, гость сообщил, что надо начинать работу как можно скорее.

Отец слушал его не перебивая, и трудно было определить, согласен он с художником или нет. Когда художник кончил говорить, отец улыбнулся, покачал головой и стал отказываться. Но художник стоял на своём. Он показал какую-то бумажку, работа началась.

Отец никак не мог удобно усесться, а строгий художник всё поправлял его голову. То отходил, чтобы посмотреть издали, то вновь подходил, и всё начиналось снова. Наконец на белом холсте художник провёл первые линии чёрным угольком.

Хасан с нетерпением ждал, когда появятся первые очертания знакомого лица, но дело двигалось очень медленно. Кроме того, отцу стало смешно, и он с трудом сдерживал смех. Это потому, что Хасан смотрел то на него, то на холст. Но художник наконец рассердился и, грозно взглянув на Хасана, сказал:

— Мальчик, иди, не мешай. Когда будет готов, тогда посмотришь.

— Правильно, — поддакнул отец, — иди, Хасан, делай уроки.

В самый интересный момент, когда на холсте появились первые штрихи портрета, Хасан нехотя ушёл.

Художник пришёл и на следующий день. Но теперь он начал рисовать не угольком, а красками. Их у него было много, и самых разных. И несколько кисточек.

— Можно я немножко, чуть-чуть, две минутки посмотрю? — спросил Хасан жалобным голосом.

— Две минутки, пожалуй, можно, — сказал художник, почёсывая кисточкой за ухом и не глядя на Хасана. — «Две минутки, две минутки...» — напевал он, нанося мазки.

Портрет оживал прямо на глазах. А художник всё рисовал и рисовал. Чувствовалось, что отцу надоело так долго сидеть перед художником, и он начал беспокойно ёрзать. Кроме того, его смешила суета художника и восторг Хасана, на глазах которого совершалось волшебство — отец становился на холсте очень похожим. Он немножко улыбался, и на щеках появились чуть заметные складочки.

Теперь Хасан внимательно смотрел на тонкие пальцы художника и на его серьёзные и немножко сердитые глаза. Художник время от времени отходил от портрета и сердито смотрел на свою работу. Потом он закуривал и разрешал отцу немного отдохнуть, сидеть так, как ему хотелось.

После отдыха художник выдавливал из тюбиков новые краски на разноцветную доску.

— Где мы повесим портрет, когда он будет готов? — спросил Хасан, которому почему-то разрешили ещё постоять.

— Где, говоришь? — сказал художник, не отрывая взгляда от портрета. — Портрет в музее повесим, чтобы твоего отца все могли видеть.

— Вот здорово! — обрадовался Хасан. — Там тыщи людей его увидят. А вообще, у вас хорошо получается, — вдруг сказал Хасан.

— Спасибо, — ответил художник.

— А давно вы научились рисовать? — спросил Хасан.

— Давно. Я был меньше тебя. Только тогда была война и красок не было. Даже цветных карандашей.

— А чем же вы рисовали?

— Простым карандашом или просто углём. А потом, уже через много лет, пошёл в училище, и там научили рисовать получше.

Жалко было расставаться с художником. Но он уже за-

кончил работу. Разрешил всем домашним полюбоваться на свою работу, и после хорошего обеда, которым угостила бабушка, он уехал. И портрет увёз с собой.

В тот год Хасан в Нальчике побывал четыре раза. И каждый раз вместе с дядей или двоюродным братом ходил в музей. Он подолгу стоял у портрета отца, который чуть-чуть улыбался, и на груди его ясно выделялись орден и две медали. Другие люди тоже останавливались у портрета, и отец им тоже улыбался.

Очень хотелось Хасану всем посетителям музея сказать, что это его отец. Рассказать, как его рисовали. Но никто не догадывался, что он, Хасан, сын знатного механизатора-курузовода, который смотрел с портрета на людей и каждому улыбался.

ГОРКА, САНКИ И УКОЛЫ

Горка, с которой любили кататься не только малыши, но и взрослые ребята, была рядом с селом. Летом этот холмик покрывался зелёной травой, а зимой горку укутывал снег и долго не таял. Поэтому хоть она была очень крутая, но спускаться по ней на санках доставляло большое удовольствие. Летишь — ветер в ушах звенит и дух захватывает.

Не у всякого хватало смелости первым съезжать с горы. А когда начинали, катались уже все. Даже девчонки.

В первый же день успели накатать так, что с вершины холма до самой дороги внизу образовалась блестящая дорожка. Катались все. По одному и по двое на санках. Бывало, и опрокидывались. Но снег был мягкий, и ничего страшного не происходило.

Но вот вечером кто-то из старших ребят сказал, что неплохо бы трамплин сделать. Его поддержали другие. Посреди спуска скоро вырос снежный холм, который ребята тут же утрамбовали, а потом ещё и залили водой.

На другой день после уроков Хасан, наскоро пообедав, взял сани и поспешил на горку. Там уже ребята мало-помалу

начали собираться. Среди ребят Хасан заметил Мухтара, который вчера перевернулся вместе с санками и теперь всё ещё не решался первым спуститься. Здесь же стояли Борька и Тамара, соседка Хасана по парте. Она была в лохматой шубке и такой же шапке. Круглое лицо её раздумянилось, от мороза наверное. А вообще она походила на Винни-Пуха из мультика.

Бугор, который построили вчера, стал твёрдый и блестящий. Но почему-то сегодня никто не решался первым прокатиться по нему.

— Ну давай ты первый,— сказала Тамара Борьке.

Но тот засмеялся и ничего не сказал. Не захотел быть первым и Мухтар. После вчерашнего случая теперь он был осторожен. Ещё бы!

— И чего это вы все боитесь?— громко сказал Хасан и оглядел ребят победным взглядом.

— А ты покажи первый сам!— загалдели ребята.— А мы посмотрим.

— А что тут такого, подумаешь,— сказал Хасан, ставя санки и садясь поудобнее.— Подтолкните меня как следует!— крикнул он, посмотрев на Тамару.

Тут уж охотников нашлось много, даже Мухтар с Борькой подбежали.

Хрустнул снег под санками, и Хасан, крепко держа верёвочку, стремительно понёсся вниз. Все притихли. А он слышал лишь звук скользящих саней да свист ветра в ушах. Санки вмиг достигли бугра, который ребята называли трамплином. Хасан почувствовал, как его «скаун» оторвался от земли. Пролетев в воздухе, санки снова со стуком ударились об лёд и ещё быстрее помчались. Хасану стало страшно. Ему захотелось закричать. Но он не закричал. А санки неслись, словно опять хотели оторваться от земли. Они вихрем промчались через дорогу, которая шла по склону, и устремились к речке. Хасану стало совсем страшно. Даже больше, чем в прошлом году, когда его понесла дядина машина.

Хасан даже опомниться не успел, как взбесившиеся санки

прыгнули с бережка и проломили тонкий лёд речки. Воды здесь, как всегда, было мало. Но её оказалось вполне достаточно, чтобы промочить незадачливого наездника.

Не успели ребята прибежать на выручку, как Хасан сам вылез на берег и даже санки не забыл вытащить.

— Быстрее беги домой, а то простудишься!— Это закричала Тамара.

— Вот здорово! Вот здорово!— Это кричал Борька.

А Мухтар только качал головой, и видно было, как он испугался. Как будто это случилось не с Хасаном, а с ним.

Когда Хасан прибежал домой, была только бабушка да маленький Алимчик. Братишка пока ничего не понимал, поэтому, когда увидел мокрого и дрожащего Хасана, начал смеяться. И это разозлило Хасана. А бабушка суетилась, и видно было, что она сильно растерялась.

— Уж лучше бы я умерла! Уж лучше бы я умерла!— твердила она, раздевая Хасана.— Ложись быстрее! А я сейчас принесу чай.

Бедная бабушка! Как она перепугалась...

Скоро пришли папа и мама.

— Что с тобой?— спросила мама, не успев снять пальто.

— Ни-ни-ничего...— ответил Хасан, стараясь успокоить её.

Но мама холодной ладонью потрогала лоб, внимательно глянула в глаза и перевела взгляд на бабушку.

— Искупался в холодной воде.

Подошёл папа. И когда он узнал, в чём дело, лицо его немножко побледнело. Тут Хасан почувствовал, как папе хотелось его основательно отшлёпать. Но он тихонько сказал:

— И когда ты станешь умнее?— покачал головой и вышел из комнаты.

Зато мама и бабушка долго растирали Хасану ноги и грудь. Он видел, как жалость и возмущение одновременно были в глазах и голосе мамы.

Ночью Хасану стало очень жарко. Но тело почему-то дрожало, и он почувствовал, что заболел.

Утром пришёл врач с сердитым лицом. Мама и ему, наверное, успела рассказать о случившемся. Врач начал прослушивать грудь. Долго слушал. Потом велел лечь на живот и спину тоже прослушал. Наконец он собрал этот слушательный приборчик с резиновыми трубками и подошёл к столу, где стоял его маленький сундучок.

Очень скоро закипели иголки в железной коробочке и наступили самые страшные минуты.

Уколы — вот чего боялся Хасан. Он знал, что это, в общем-то, сущий пустяк. Делали ему уколы года полтора назад. А уж Алимчика-то сколько кололи! И ничего, живой. И всё-таки было страшно. Он готов был снова спуститься с той горки, только бы не эти уколы.

Но врач спокойно взял маленький пузырёчек и отбил кончик. Набрал через иголку лекарства и подошёл к Хасану:

— Ложись, молодой человек, на живот.

Хасан немедленно лёг и весь съёжился, превратившись в твёрдый комок.

— Чего боишься-то? — сказал врач, обмазывая Хасана какой-то мокрой холодной ваткой. — Глупости делал — не боялся, а теперь боишься.

В эту минуту Хасан вспомнил кинофильм про Камо и про то, как его кололи иглой. Не помогло. Всё равно было страшно. Хасан стиснул зубы, чтобы не закричать. Он терпел, терпел и думал: «Уж скорей бы!» Но укол, оказывается, был не так страшен, как кажется. И напрасно бабушка в это время отворачивалась.

Наконец Хасан облегчённо вздохнул и тут заметил, как вспотело лицо, особенно лоб. От страха, наверное. А может, не от страха, а от болезни.

— Приду ещё, — сказал врач, — а ты старайся поскорей поправиться. Парень ты, я вижу, неплохой, но лечить тебя придётся основательно.

— Хорошо, доктор, спасибо, — проговорил Хасан каким-то слабеньким, пугливым голоском.

— Спасибо, доктор, да перейдут все твои болезни ко

мне,— сказала бабушка. Чудная бабушка, какие там у доктора болезни!

А вообще-то с бабушкой было труднее. Потому что доктор послушал, сделал укол и ушёл. А бабушка заставляла есть то, чего не хотелось есть и когда совсем не хотелось есть. Спорить с ней было бесполезно. И Хасану приходилось пить это тёплое молоко полными чашками. «Пей, пей, а то не поправишься, несчастный»,— говорила бабушка. И ничего не оставалось, кроме как пить лекарства, пить молоко, пить чай с разными вареньями, которые Хасан терпеть не мог. И скоро он понял, что единственное спасение — это поскорее поправиться.

На третий день начали приходиться ребята. Приходили и Мухтар, и Махмут, а Борька приходил по нескольку раз в день. А однажды пришла даже Тамара. Она принесла мандарины, шоколадку и книжку про зверей. И ещё ребята начали приносить домашние задания, чтобы Хасан не отстал от школы. Бабушка их благодарила каждый раз нежными словами и угощала вкусными локумами.

И вот однажды врач пришёл и долго слушал грудь и спину Хасана. Про температуру спросил. Мама ответила, что нормальная. Тогда врач немножко подумал и сказал, что дня через два можно идти в школу.

И всё же как хорошо быть здоровым! Ребята, по которым соскучился Хасан, видно, тоже соскучились по нему — они очень обрадовались. Снова можно было гулять по белому искристому снегу, кататься на санках, лепить снежных зверей... Бугор на горке, оказалось, уже убрали, и ребята катались, как прежде. Кому была охота бросаться в холодную речку и потом болеть! Никому.

ПРО РЖАВЫЕ ТРУБЫ

Это было после весенних каникул. Однажды собрала Фатимат Борисовна всех ребят и говорит:

— По школе объявляется воскресник. Поэтому пос-

лезавтра все собираемся на спортплощадке в восемь часов утра и начинаем уборку территории школы. Этим будут заниматься классы. Кроме того, будем собирать металлолом.

— Вот здорово! — не выдержал Асхат. — У нас во дворе столько железа...

— Асхат, ты не прерывай меня. Это некрасиво и не культурно, — тихо остановила его Фатимат Борисовна. — Так вот, все металлические предметы должны быть собраны на площадке, во дворе школы.

Всё ясно. Потому что Хасан и все другие знали, что такое сбор металлолома. Это было занятие очень весёлое. Хасан ещё до школы помогал старшим в этом деле.

Когда все пошли домой, Хасана догнал Махмут. Он вообще без Хасана не мог шагу шагнуть, хотя учились в разных классах. Он — в первом, Хасан — во втором.

— Хасан, — почти шёпотом сказал он, пугливо озираясь по сторонам и боясь, как бы кто не узнал тайны, о которой он хотел поведать.

— Ну что? — сказал Хасан, не останавливаясь.

— Постой же. Такое дело!..

— Какое ещё дело?

— У вас про металлолом говорили?

— Говорили, ну и что?

— А то, что я знаю, где очень много старых, ржавых и никому не нужных труб.

— Каких это ещё труб?

— Вон там, за мельницей, ферма. Знаешь? Возле фермы лежат эти трубы. Их ещё в позапрошлом году привезли. Привезли и бросили.

— Так и бросили! Может, они для фермы нужны. Может, по ним молоко пойдёт. Или водопровод хотели сделать.

— Какое там молоко, какой там водопровод? Никому они не нужны. Скоро трава на них вырастет.

— Ну что ж, — сказал, подумав, Хасан. — Для металлолома они, конечно, годятся. Только тащить их оттуда... Это же тебе не старые кастрюли и чайники.

— А мы — волоком. Привяжем верёвку и будем тащить волоком.

Махмут, несмотря на маленький рост и толщину, был очень изобретательным. Поэтому Хасан ему поверил. Договорились после сбора сразу же идти на ферму.

Так и сделали. Хасан с мотком длинной верёвки через плечо, широко шагая, шёл в сторону фермы. А Махмут семенил за ним и почему-то часто оглядывался, словно у них был какой-то заговор.

Ферму уже начинали ломать на дрова. Она вся была из плетня, обмазанного глиной. А новая ферма, выстроенная из кирпича и покрытая красной черепицей, стояла подальше, недалеко от родника. От неё шла дорожка и к роднику, и к большой дороге. Вокруг были посажены деревца. А эта, старая, стояла покосившись и проветривалась из всех щелей. Железные трубы лежали у пригорка рядом со старой, заросшей мхом кучей разбитого шифера. Это были прямые и изогнутые трубы, покрытые ржавчиной и глиной. И Хасан решил, что они теперь и в самом деле ни на что не годятся, кроме металлолома.

Махмут с трудом отделил верхние две трубы от остальных и связал их верёвкой. Другой конец верёвки был у Хасана. Потянули. Трубы загремели, зашумели и нехотя отделились от других. Тащить их волоком оказалось не таким лёгким делом. Они цеплялись за каждый кустик, за каждый бугорок.

Пришлось несколько раз отдохнуть, прежде чем дотащили трубы до места. А там уже было немало лома: и старые кастрюли, и чайники, и ржавая железная калитка, велосипедная рама... А кто-то даже и кровать приволок.

Возвращаясь назад, ребята заметили старого знакомого. Это был лопоухий ослик, который пощипывал первую травку, как всегда, на стадионе.

Хасан остановился и посмотрел на ослика, а потом на Махмута.

— Знаешь что, мне кажется, что ослик нам мог бы помочь. А то, бедный, умирает от скуки, — сказал Хасан.

— Точно!— согласился Махмут.— Без него мы просто не успеем перетащить все трубы. Давай попробуем.

Ребята подошли к ослику, погладили его тёплую шею. Он посмотрел на Махмута большими влажными глазами и вновь принялся за травку.

Идти за трубами у ослика никакого желания, наверное, не было. Поэтому он долго крутился на одном месте, не позволяя привязать верёвку на шею. Но когда всё же Хасан с этим делом справился, а Махмут хлестнул ослика тонким прутиком, он не спеша пошёл.

Как ни странно, работа ослику понравилась. Но скоро Хасан понял причину такой сговорчивости. Оказывается, ослика подгонял гром и скрежет труб, следующих за ним. Он шёл почти не останавливаясь. Но вот когда они дошли до школы и решили повернуть во двор, Хасана остановил дядя Ахмат.

— Откуда тащите трубы?— спросил он сердитым голосом.

— Оттуда, то есть со старой фермы,— ответил Хасан, почувствовав, что надвигается неприятность.

— А кто вам разрешил хозяйничать на ферме?— громко спросил дядя Ахмат.

И судя по тому, как у него побагровело лицо, ребята поняли, что Ахмат не шутит. В это время к ребятам подошли ещё две женщины. Как выяснилось потом, они обе работали на ферме.

— Чего ты кричишь на ребят? Правильно сделали, что утащили трубы,— сказала первая.

— Уже который год ты обещаешь подвести водопровод к ферме. Раньше говорил — труб нету. Привезли — опять такое дело. Так кому теперь нужны ржавые трубы? Говорить и обещать только любишь,— сказала другая женщина.

Словом, Хасан чувствовал, что он и Махмут попали в неприятную историю. Правда, взрослые их не ругали. Друг друга ругали. Грозили, что это так не оставят, на собрании говорить будут.

Ахмат — оказывается, он был завфермой — теперь уже не

кричал. Кричали доярки, а он им что-то невнятное отвечал.

Наконец одна из женщин, заметив Хасана и Махмута, приказала:

— Гоните, гоните своего ишака. Нам эти трубы не нужны. А отвечать-то придётся этому вот дяде.

— Ну чего раскудахтались, чего перед детьми позорите?— взмолился Ахмат, ещё больше краснея, но не повышая голоса.

Но к ним присоединились ещё две женщины — кажется, тоже с фермы,— и Хасан с Махмутом, погоняя своего равнодушного ко всему ослика, ушли от шума.

За ужином только и говорили о трубах.

— Это ты утащил эти несчастные трубы?— спросила мама сердитым голосом.

Но глаза у неё были не сердитые. Кажется, даже смеялись. Поэтому Хасан решил, что всё обойдётся, и ответил:

— Я. Только я их не утащил, а...

— Правильно сделал,— сказал отец, отрезав ломоть хлеба.— Утащил или притащил — всё равно правильно сделал.

— Сегодня только и разговору что о трубах. Доярки тебя благодарят,— сказала мама.

— Только теперь Ахмату на глаза не попадайся,— смеясь, сказал отец.

— А этот Ахмат,— вставила бабушка, разливая по тарелкам шурпу,— болтун, и всё. И чего его до сих пор завфермой держат?

— Потаскал бы в зимнюю стужу воду вёдрами на сотню коров, посмотрели бы на его румяное лицо,— сказала мама.

Так закончилась история с этими злополучными трубами. А точнее, она закончилась для Хасана. Взрослые же об этом говорили до тех пор, пока целая бригада наконец не привезла новые трубы и не проложила водопровод к новой ферме.

В ГОСТЯХ У СТРИГАЛЕЙ

Это удивительный и на редкость интересный вид состязания. Стригали — это овечьи парикмахеры. Правда, им приходится трудней. Потому что они стригут не только голову овцы, а всю шубу снимают. Здесь, на этом состязании, свои болельщики и свои чемпионы.

А вообще-то время стрижки овец — это большое событие, почти праздник. Поэтому в такой день мало кто смотрит на это спокойно.

До ближней фермы, где начинается стрижка овец, было недалеко. Но всё же Хасан решил поехать с Борисом на «газике» его отца, которого зовут Сафар. А отец Бориса знал толк в стрижке овец. Ещё бы! Вот уже четыре года, как он выходит победителем в этом деле.

По дороге Сафар очень интересно рассказывал о премудростях этого, как он сказал, искусства. Но ещё интересней всё видеть своими глазами. Потому Хасан с разрешения мамы и поехал на ферму.

На небе ни облачка. Нет даже ветерка. Но на ферме всё равно не так жарко, как в селении. А овцы, которых в огромном загоне было видимо-невидимо, казалось, изнывали от жары. И не удивительно. Хасан и Борька, например, были одеты в лёгкие рубашки с короткими рукавами, а овцы — в своих тяжёлых зимних шубах. И казалось, они сами с нетерпением ожидали того момента, когда проворные стригали снимут с них толстые тёплые шубы.

Вот больше десяти крепких, плечистых парней с электромашинками, похожими на те, что у парикмахеров, заняли свои места. Борькин отец оказался вторым слева. Все засучили рукава, сделали маленькую разминку, как борцы перед выходом на ковёр, и посмотрели в сторону судейской коллегии. Помощники стригалей, которые должны подгонять им овец, тоже наготове.

Старик судья в белой войлочной шляпе важно глянул на часы и торжественно крикнул:

— Начинайте!

Помощники стригалей подвели по одной овце к каждому из овечьих парикмахеров, и зажужжали машинки, словно тысячный осиный рой закружился над фермой.

Овцы без удовольствия позволяли себя стричь. Но скоро смирились с непрерывным шумом машинок и дрожали меньше.

Хасан подошёл к Сафару. В могучих волосатых руках его стригальная машинка казалась игрушечной, а овца, которая «сидела» перед ним, — просто ягнёнком.

Борис тоже смотрел на работу с раскрытым ртом.

Ещё бы! На глазах у ребят совершалось чудо. Как и ожидали, Сафар первым выпустил «голую» овцу. Она выглядела теперь жалкой и смешной. Это потому, что, избавившись от толстой шубы, она стала меньше, а голова вроде бы больше. Некоторое время она стояла растерянная. Но очень скоро поняла, что в такую жару без шубы, пожалуй, лучше.

Для стриженных был специальный загон, куда их отправляли, сперва искупав в лекарственной воде.

И тут нашлась, как сказал загорелый зоотехник, работа для Хасана и Бориса.

— А ну, джигиты, чем без толку стоять и глазеть, как работают другие, лучше помогите...

— А чем помочь? — оживился Борька, как всегда нетерпеливо.

Зоотехник оглядел его с головы до ног, будто только что заметил, и, покачав головой, сказал:

— Подойдите к тому загону и смотрите, чтобы голые с одетыми не смешались: загородка что-то, мне кажется, хилая.

Хасан и Борька с удовольствием пошли выполнять задание. Стриженных овец становилось всё больше и больше, а те, что в шубах, которые сначала смотрели на других овец с жалостью, теперь, похоже, смотрели уже с завистью. И как не завидовать! Бедные, они под тяжестью толстых шуб в эту жару больше стояли на одном месте и почти не двигались. То ли от лени, то ли спать хотели. А стриженные, стряхнув с себя капельки лекарственной воды, резво бегали по загону. Борька бегал за ними, стараясь согнать в кучу всех стриженных. Но ничего у него не получалось. Тогда они с Хасаном стали охранять только смежную изгородь.

А стригали продолжали своё трудное дело. Росла рядом гора шерсти, которую укладывали в аккуратные тюки, взвешивали, записывали.

Работа шла вовсю. Хасан и Борька сгоняли стриженных овец в загон. Голое стадо всё увеличивалось. И скоро Хасан почувствовал, что немножко устал и даже вспотел. Это заметил бригадир и сказал одному из парней, своему помощнику:

— Мальчики, кажется, устали. Напой айраном и сведи их к нарзанной ванне.

До чего вкусен шипучий айран! Особенно если пьёшь его после такой горячей работы. Хасан с ходу выпил целую кружку прохладного чудо-напитка. А пока он вытирал белые «усы», Борька пил айран, закрыв глаза. От удовольствия.

— А что это за нарзанная ванна? — спросил Хасан у того парня, который тоже выпил айран и тоже вытер белые «усы» широкой ладонью.

— Придёте — посмотрите, — сказал парень и, скомандовав: «За мной!», пошёл вверх по узенькой тропке.

Перешагнули ручеёк с красными камнями и скоро вышли к рыжей скале, которая с солнечной стороны была лысая, а с других сторон — зелёная. И тут-то увидели ребята ту самую «ванну».

Это было маленькое озеро, со всех сторон обложенное слоистыми камнями. И ещё. Над этой самой «ванной» стояло облачко пара, словно кто-то снизу подогревал.

— А она скоро закипит? — спросил Борька, не решаясь войти в воду.

— Нет, не закипит, — сказал парень, раздеваясь. — Здесь и зимой, и летом двадцать шесть градусов. Это вроде гейзера. Не слышали такое?

— Н-нет, — сказал Хасан.

— Так вот, это минеральная вода из самых глубин земли. В ней купаться не только приятно, но и полезно. Здесь чабаны купаются даже зимой, когда кругом не трава, а настоящий снег.

Когда Хасан полез в воду и лёг на спину, то заметил, как всё тело покрылось маленькими пузырьками. Словно он лёг в ванну с газированной водой. А Борька барахтался и шумел, прыгая в воде. Она, оказывается, ему тоже очень понравилась.

— А пить её можно? — спросил Хасан.

— Можно. Врачи сказали, что можно. Только на вкус она не очень приятная. Может, оттого, что тёплая.

Ребята и сами заметили, как тень от жёлтого камня достигла краешка каменной «ванны».

— Ну, друзья, пора одеваться, — сказал парень, который привёл ребят в это чудесное место.

— А можно ещё немножко? — попросил Борька.

— Нет, нельзя! Вода эта как-никак лекарственная. А любое лекарство, даже самое хорошее, надо употреблять по норме. Понятно?

— Понятно! — сказал Хасан. Уж кто-кто, а он знал, что значит нарушать советы врачей. Он это помнил ещё с тех злополучных витаминов.

А произошло это ещё до школы, когда мама по совету врача принесла маленькую бутылочку с витаминами. Разрешалось ежедневно есть их по три штуки. А они были такие кисленькие и вкусные, что Хасан съел все за один день, как обыкновенные конфеты. Что было потом, не станем сейчас рассказывать. Да и сам Хасан не любит об этом вспоминать.

Когда ребята спустились к ферме, работа шла всё так же, и стригали, казалось, не знали усталости. Только голых овец было намного больше, чем одетых.

Хасан с Борькой хотели приступить к своей работе, но главный зоотехник поблагодарил и сказал, что скоро будет машина и надо им ехать домой делать уроки.

— А как узнать, кто чемпионом будет? — спросил Хасан.

— Это вы сегодня не узнаете. Это будет известно, когда стрижка кончится. Тогда вас опять пригласим. Хорошо?

— Хорошо, мы ещё приедем. Обязательно приедем, — повторил Хасан.

ХОРОШО БЫТЬ ПОЧТАЛЬОНОМ

Пришёл светлый праздник — Девятое мая. В этот день все мужчины, которые воевали в Великой Отечественной войне, выходят на улицы, одевшись во всё праздничное. И непременно при всех орденах и медалях. Это — дедушки таких, как Хасан, Махмут, Тамара, Борька...

И до поздней ночи длится Праздник Победы. Ветераны рассказывают о боевых делах, о сражениях, в которых они участвовали, о своих боевых друзьях-героях.

Бисолтан, дедушка Мухтара, один из таких уважаемых в селе ветеранов. Он вначале был партизаном, а когда немцев прогнали с Кавказа, Бисолтан дошёл до самого Будапешта.

А сейчас он почтальон. Самый обыкновенный почтальон. Но его знают все. Ещё бы! Ежедневно в любую погоду выходит он на улицу с чёрной кожаной сумкой, набитой

письмами, газетами, журналами. Идёт от дома к дому, ни одного не пропускает. Поэтому хочешь не хочешь, а приходится ему видаться почти с каждым жителем селения.

Девятого мая Бисолтан тоже вышел со своей огромной сумкой. Но на этот раз он был одет в новый костюм, и на груди его блестели боевые награды. И тут его встретили другие ветераны. Также нарядно одетые и тоже при всех своих орденах и медалях.

— Салам алейкум, Бисолтан! — сказали они.

— Алейкум салам! — ответил почтальон.

— Ну что это ты! Даже в такой день работаешь? А мы хотели пригласить тебя на берег речки, где скоро будет шашлык.

— Не могу. Письма и газеты раздать надо. Люди ждут.

Вот тут-то и оказались рядом Хасан с Махмутом.

— А ну, ребята, подите сюда, — сказал один из ветеранов. — Помогите облегчить эту сумку. Адреса-то небось умеете читать.

— Умеем! — дружно ответили мальчики.

Но дело оказалось не такое лёгкое, как думали ребята. Дело в том, что на конвертах были разные почерки, некоторые не очень разборчивые. А ребята хорошо читали только напечатанные слова. Махмуту было ещё труднее — он ведь был первоклашка.

Поэтому решили: Хасан читает, а Махмут относит газеты и письма туда, куда скажет он. Так дело пошло лучше. Но иногда получалась задержка.

Вот письмо бабушке Буслимат, где на обратном адресе написаны какие-то цифры — номер воинской части. Солдатское письмо. А внутри что-то твёрдое. Старая Буслимат так обрадовалась письму и фотографии своего внука, что обняла Хасана и Махмута.

— Я сейчас, — сказала она и побежала в другую комнату. И вышла оттуда с полной горстью конфет: — Возьмите, ребята, угощайтесь.

— Нет-нет, нам не надо, — запротестовал Хасан.

А Махмут ничего не сказал.

— Возьмите и ешьте. Это вам за добрую весть, мои дорогие.

— Не нужно, мы это за так.

И всё же старая Буслима́т положила конфеты в наружный карман чёрной сумки и ещё сказала много добрых пожеланий Хасану и Махмуту.

Не успели выйти со двора, как Махмут сунул руку в сумку, чтобы достать конфеты — такой он сладкоежка нетерпеливый.

— Потерпи немножко, — сказал Хасан, — вот закончим — тогда поедем.

Но лицо Махмута стало такое несчастное и жалкое, как будто живот заболел. Хасан сжалился над другом и уступил. После этого у Махмута лицо расплылось в счастливой улыбке, и он стал веселей работать.

А на одном конверте они увидели много подписей, написанных мелким почерком. Письмо адресовалось самому почётному человеку села — старому Наурузу, который во время войны дошёл до Берлина. Сразу видно, что это пионеры написали, его юные друзья из Белоруссии, где Науруза знали как известного партизана. Очень хотелось узнать, о

чём пишут пионеры. Но разве можно открывать чужое письмо?

Правда, другой случай заставил ребят читать письмо самим. Дело в том, что отец и мать солдата Ахмата в это время оказались в городе. А его дедушка, сказав, что написано мелко и глаза его никак не разберут почерк, попросил прочитать ему тут же. Хасан это сделал с удовольствием.

Там было написано: «Дорогие Азрет Тамукович и Фаризат Аслановна! Командование части, где служит Ваш сын, благодарит Вас за то, что Вы вырастили и воспитали такого замечательного солдата, как Ахмат...» Дальше было написано о том, как Ахмат отлично несёт свою службу и подаёт хороший пример другим солдатам.

Слушал дедушка это письмо, и глаза его влажнели. Это от счастья, конечно. Значит, хорошо служит солдат, если о нём так пишут командиры.

Когда Хасан кончил читать, дедушка поблагодарил его и Махмута и сказал, чтобы они, когда подрастут, так же отлично служили. Ребята тоже поблагодарили дедушку и вздохнули: когда ещё они станут большими, чтобы служить в армии и чтобы так же про них написали...

Хотя ребята уже немного устали, но сумка теперь стала легче. Письма, газеты, журналы... И много телеграмм. Их отправили студенты и студентки, а также друзья и родственники из других городов и сёл своим дедушкам — ветеранам войны. Они поздравляли их и желали им здоровья и счастья. И видно было по всему, как почётно быть ветераном, как их все уважают.

К полудню, закончив работу, Хасан с Махмутом отправились к речке, чтобы вернуть сумку почтальону Бисолтану.

— О, мои дорогие помощники! — обрадовался дед. — А я-то волновался: где мои милые почтальоны?..

— Ну раз вы так поработали, садитесь, ребята, самое время пообедать, — сказал один из дедушек, у которого тоже вся грудь была в орденах и медалях. — А ну, Ахмадья, угости юных джигитов шашлыком и сладкой водой.

Дедушки были веселые и разговорчивые. Они то и дело повторяли: «А помнишь?» А помнили они действительно много. И о том, как было трудно в холодную зиму сорок второго, и о том, как били врага в сорок третьем и сорок четвертом, и о том, как пришла Победа в сорок пятом.

Хорошо с дедушками — ветеранами войны! Очень интересно слушать их рассказы про боевые дела. Они радовались, говоря о победе, грустили, говоря о боевых друзьях, которые погибли и никогда не смогут здесь сидеть и радоваться у горной речки в тени молодой листвы.

Это был один из самых интересных и весёлых дней Хасана и его друга Махмута.

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ

Это был первый день нового учебного года.

— А теперь, — сказала Фатимат Борисовна в конце первого урока, — я дам вам новое задание. Каждому из вас нужно написать рассказ о том, что он делал во время летних каникул. И каждый прочитает здесь свой рассказ, а мы все определим, у кого лучше получилось.

Дети очень обрадовались такому заданию. Ещё бы! Сколько было интересных дел в эти замечательные летние дни. Не один, а много рассказов можно написать про лето, про пионерский лагерь, про экскурсии, про рыбалки и чудесные купания. А кое-кто побывал и на коше, что высоко в горах. Гостил у чабанов, пил айран, катался на лошади или осле...

Очень понравилось ребятам такое задание. А вот Хасан крепко задумался. Он, конечно, тоже любил писать разные рассказы. Но вот про каникулы... не был он на этот раз ни в горах, ни в городе Нальчике у дяди в гостях. Разве что в речке несколько раз покупался. Она ведь рядом. Окно откроешь и слышишь её шум, похожий на шелест листьев лесной груши...

«Но о чём же написать рассказ, чтобы он получился интересным? Эх, не пришлось бы опозориться...» — подумал Хасан.

И на других уроках, и на переменах, и по пути домой, и за обедом — всё время думал Хасан. А когда долго думаешь, обязательно что-нибудь придумается. Иногда даже интересное.

«Напишу-ка я рассказ про новых друзей, с которыми познакомила меня бабушка. Напишу, да притом не называя их имён. Чтобы как загадка получилось. Пусть попробуют разгадать».

Хасан взял тетрадку и ручку. «С чего же начать? — подумал он и посмотрел в окно. В любом деле самое трудное — это начало. Не зря же говорили нарты, эти сильные и мудрые наши предки, что в неначатом деле змея сидит. В смысле — страшно начинать. А там, мол, всё пойдёт как по маслу. А это — в смысле легко и просто.

Уже темнеет, надо спешить. А так как первое слово — самое трудное, над ним и пришлось попотеть. Наконец это слово отыскалось, прибежало и село на самый кончик языка.

«Во время летних каникул я никуда не ездил, — начал Хасан свой рассказ. — Заболела бабушка, и мне не хотелось её оставлять одну. Папа и мама на работе, Алим — в садике, а я был при бабушке. Лекарства ей давал, молоко кипятил, в магазин ходил... А подметать пол, вытирать пыль, ну и, конечно, мыть посуду — разве это не работа? А кто курам кукурузные зёрна высыпал? — Тут Хасан заметил, что слишком расхвастался, и призадумался. — А когда бабушка стала поправляться, мы с нею выходили в сад и она давала мне разные поручения. Это, как она объяснила, чтобы я поскорее стал мужчиной, самостоятельным человеком. Я рубил хворост, прибивал расшатавшиеся досочки на заборе и занимался самым любимым делом — собирал яблоки. Уж они в нашем саду самые разные, но все самые сладкие.

В летние дни бабушка познакомила меня с новыми друзьями. Мы вместе пололи грядки, поливали кусты ягод и картошку. Вместе мы разрыхляли землю вокруг стволов деревь-

ев. Каждый день ходили за сочной травкой для телёнка, который имел хороший аппетит.

Я никогда не расстанусь с друзьями. Мне хочется, чтобы они были друзьями всех моих товарищей. А теперь угадайте, как их зовут. Я скажу, что их имена начинаются с букв «Ж», «Ч» «Б» «О».

Когда Хасан читал свой рассказ на уроке, и Фатимат Борисовна, и все дети слушали его очень внимательно. А потом задумались, чтобы угадать имена новых друзей Хасана.

— Жамал, Чапай... — начала сообразительная Тамара.

— Ботал, Омар! — добавил Махмут.

— Нет, нет, я скажу, — встал с места Азрет. — Их зовут Жунус, Чотай, Билял, Оюс...

— Вы не спешите, ребята, — сказала Фатимат Борисовна. — Тут что-то похитрей, чем вы думаете.

Много ещё других имён назвали: Жибрил, Чамай, Борис, Олий...

Видя, что никто не может отгадать, разгадку Хасан сказал сам:

— Моих новых друзей зовут: Жугар (лопата), Чага (тяпка), Бахса (грабли) Орак (серп).

Дети удивились, но спорить не стали. Им всем понравился рассказ Хасана. А Фатимат Борисовна даже сказала:

— Молодец, Хасан!

ЧТО ЗНАЧИТ «ГОРЫ СВОРОТИТЬ»?

— Бабушка, а бабушка, объясни, пожалуйста, мне, что значит «горы своротить»? Разве человек может гору своротить? — спросил Хасан.

Бабушка в это время месила тесто и вовсе не думала, о чём её сейчас может спросить внук. Но вопросу Хасана она не удивилась. Ведь тысячи вопросов он задавал, и всё ей, бабушке, хотя рядом были отец и мать мальчика. Но самые понятные ответы давала именно бабушка, отвечала не торопясь, не сердилась.

Отец часто говорил: «В школе объяснят». Или: «Спроси у мамы или у бабушки». Мама отвечала: «Что же мне делать с твоими бесконечными вопросами? Я так сегодня устала на работе». Зато бабушка всегда была готова ответить на любой вопрос. Потому что она больше прожила, больше видела. Она даже хвалила Хасана за вопросы и говорила: «Чтобы знать, надо спрашивать».

И на этот раз она выслушала Хасана спокойно, но не сразу ответила. Хасан становился взрослее, а вопросы — труднее.

— Своротить горы — это... — начала бабушка, обдумывая ответ, — это и так ясно. Значит, сдвинуть горы, опрокинуть. В жизни, конечно, трудно человеку передвинуть гору. Это в сказках да в нартских сказаниях жили такие богатыри. Они сдвигали горы с места или даже вовсе убирали их.

— Это ещё как сказать, — вмешался в разговор отец. — Есть и сейчас такие люди, но они настоящие, а не из сказок. Они, конечно, не всеильные богатыри, но такие люди есть, я видел их сам.

— Ты сам видел, как горы сворачивают? — спросил Хасан уже отца.

— Так расскажи, если видел, — громко и немножко сердито сказала бабушка. — Не видишь, что я занята? Объясни мальчику толком.

— Так и быть, объясню, — сказал отец, улыбнувшись. — Был я недавно в Долине ветров. Помните, к двоюродному брату Мухтару ездил? Ну вот, погостил я у него, а на второй день Мухтар и говорит: «Поедем со мной на карьер, сегодня большой взрыв будет. Гору будут переставлять». Я думал, что он шутит. Я знаю, взрывы на карьере бывают очень сильными. Но чтобы гору сдвинуть... Потом убедился, что Мухтар вовсе не придумывает. Всё было, как он сказал.

— Расскажи с самого начала, как люди гору передвинули, — попросил Хасан и сел поближе к отцу.

— Легко сказать — расскажи. Это надо самому увидеть.

— А я так хочу это увидеть... — вздохнул Хасан.

— Вот именно, надо увидеть. А то я начну рассказывать, и ты подумаешь, что сочиняю.

— Ну чего дразнишь ребёнка! — вспылила бабушка.

И не подумала, что этим обидела Хасана. Ну как ей объяснить, что он уже не ребёнок вроде Алимчика? Но спорить с бабушкой невежливо.

— Я его вовсе не дразню, — ответил отец, — а если желает — повезу к Мухтару. Он там работает и, может быть, возьмёт Хасана с собой на карьер.

— Конечно, — обрадовался Хасан, — давай поедem завтра же.

— Ишь какой быстрый! Во-первых, не завтра, а когда туда по делу придётся мне ехать. Во-вторых, я обещаю везти тебя к Мухтару. А на карьер — это его дело. Могут ли туда детей пускать? Это тебе не на кукурузное поле ехать или к твоим стригалям.

Хасан закрутил. Он теперь никак не мог одолеть своего сильного желания скорее увидеть людей, которые горы сворачивают.

— Ну ладно, не вешай носа. Но говорить тебе я ничего не буду, — сказал отец, — а то потом не так интересно будет смотреть. Раз обещал — повезу. Договорились?

— Договорились! — ответил Хасан.

Он знал, что отец ничего зря не говорит. Пообещал — значит, выполнит. Он ведь и сам часто повторяет, что настоящий мужчина должен всегда выполнять свои обещания. Хасан тоже старался быть таким. Если, конечно, не забывал о своём слове.

И вот прошло сколько-то времени, и настал тот день, которого Хасан ждал с нетерпением и волнением. Отец совсем обычным голосом, будто речь шла о чём-то обыкновенном, сказал:

— Хасан, если ты не передумал, завтра поедem в Долину ветров.

— Конечно же, не передумал! — обрадовался Хасан. — Вот здорово! И дядя Мухтар согласился?

— Да, я с ним говорил, и он согласился. Больше того, поругал меня за то, что до сих пор не познакомил тебя с ним.

— Молодец дядя Мухтар! — воскликнул Хасан, хотя он с этим дядей даже ни разу не виделся.

— Ну что ж. Тогда ты ложись поскорее спать — выезжать надо очень рано.

— Я сейчас же лягу, — сказал Хасан, позабыв даже о хоккее, который вот-вот начнут показывать по телевизору.

Утром подъехал к дому знакомый «газик», на котором Хасан уже ездил и в горы, и к стригалиям, и к механизаторам.

— Привет, Хасан, — поздоровался шофёр.

— Привет, — ответил Хасан ему, как взрослый.

Дорога в Долину ветров вся асфальтированная, но так много извилин, крутых поворотов, что ехать быстро здесь не удаётся. Да к тому же много больших и маленьких мостов. Справа — серые отвесные скалы. А слева — густые заросли облепихи. А за ними — река. Обыкновенная горная река, шум которой заполняет всё ущелье.

Через часа два за нависшей над дорогой скалой вдруг показался городок горняков. Красивые дома вдоль берега реки и на склонах, а по ту сторону горного потока — большая фабрика со многими окнами.

Дядя Мухтар оказался весёлым и разговорчивым человеком. Глаза его были весёлые даже тогда, когда он не смеялся. Он очень понравился Хасану. Хасан ему тоже понравился.

— Отличный парень! — говорил Мухтар, обнимая Хасана, и от этой похвалы мальчику стало как-то неудобно.

— Подрастай, Хасан, пожалуйста, и из тебя, уверен я, получится хороший горняк.

Из разговоров можно понять, что Мухтар очень гордится своей профессией и уверен, что она самая главная на свете.

А в том, что это почти так, Хасан убедился и сам. Дома здесь строились для горняков, кинотеатры — для них, школы — для того, чтобы учились дети горняков. Конечно, здесь были люди и других профессий. Их тоже уважали.

Но горняк был в этом городе, как говорил Мухтар, главным. После обеда наконец заговорили о том, что больше всего интересовало Хасана.

— Вы сегодня останетесь у нас ночевать,— сказал Мухтар,— места всем хватит, а утром поедем на карьер.

К вечеру из туристского похода вернулся сын Мухтара. Он был постарше Хасана и учился уже в пятом классе.

— Меня зовут Исмаил, а тебя — Хасан, не так ли? — сказал он, едва успев поздороваться.

— Верно,— ответил удивлённый Хасан.— А откуда ты знаешь моё имя?

— Когда-то я ездил к вам, но тогда ты был маленький. Потому, наверное, и не помнишь меня.

— Хорошо, что Исмаил успел вернуться,— сказал дядя Мухтар.— Он тоже поедет с нами, и Хасану не будет скучно.

— Вот здорово! — обрадовался Исмаил, хотя, наверное, ещё не знал, о какой поездке идёт речь.

Когда утром отец разбудил Хасана, на улице уже было светло, но солнца не было видно. Его закрывали, как Хасан заметил потом, большие скалы, прилепившиеся к горе сбоку.

На нижней станции канатной дороги не спеша собирались те, кого ждала работа наверху: и пожилые, и молодые горняки. Все они были сильные и крепкие. Хасан это определил по их большим рукам и широким плечам. «Это, наверное, они сдвигают горы», — подумал он.

— Посмотри вон туда,— сказал сонным голосом Исмаил, показывая вверх вдоль канатов.

— А что там? — спросил Хасан.

— Как что? Не видишь? Во-он красненькое...

— Домик тот? Такой красивый!

— Какой тебе домик! — развеселился Исмаил, словно радовала его недогадливость Хасана.— Это же вагончик! Он нас повезёт вверх.

— А мы разве там поместимся? Он же маленький.

— Ещё как поместимся! Он издали кажется маленьким. А вот подойдёт — увидишь.

И в самом деле, когда вагончик, плавно остановившись, растворил свои двери, туда зашли все, кто ожидал под навесом.

Дядя Мухтар то и дело отвечал на приветствия горняков. У отца тоже нашлись здесь знакомые, поэтому Хасан перестал стесняться и обратился к Исмаилу:

— Я бы хотел посмотреть, но окна очень высоко.

— Не окна высоко, а ты ещё маленький,— невежливо сказал Исмаил.

Но Хасан сделал вид, что не расслышал этих обидных слов.

Вдруг рядом стоящий горняк в матросской тельняшке поставил свой железный сундучок с инструментами у окна и сказал:

— Вставай, малый, не бойся, это крепкий сундучок. Выдержит. Вставай, вставай, не стесняйся, братишка.

Раздался звонок. Вагончик вздрогнул, загудел и тихо пополз вверх. Вот тут-то Хасан увидел настоящее чудо: дома, улицы, деревья будто стали убегать от вагончика. Вскоре показалась и река. Освещённая лучами утреннего солнца, она блестела и переливалась.

— Здорово?— спросил Исмаил.

— Здорово!— ответил Хасан почти шёпотом.

— Вагончик — это хорошо,— сказал Исмаил голосом знакомого.— А раньше на грузовиках ездили по серпантину.

Последнее слово Хасан не понял. Но переспрашивать не стал. До вопросов ли, когда тут такая красота! А дома становились всё меньше и меньше, как игрушечные, и Хасану стало даже смешно.

— Ну как, братишка, нравится?— спросил горняк в тельняшке.

— Очень,— ответил Хасан, не отрывая взгляда от городка с игрушечными домиками.

Но скоро вагончик прошёл над большим выступом скалы, и город скрылся. Зато справа Хасан заметил одинокое облачко, прижавшееся к островерхим скалам. Это облачко

было ниже вагончика, и Хасану почему-то стало его жалко. Тут вагончик зашёл в крытую галерею и плавно остановился. Дядя Мухтар протянул Хасану конфет. Но тот отказался.

— Напрасно отказываешься. Это обязательно нужно, — сказал горняк в тельняшке. — А то в ушах будет давить. Ты ведь, как я вижу, здесь впервые.

И на самом деле Хасан почувствовал, как заложило уши и они побаливали.

Хасан взял карамельку и начал сосать её. В ушах стало спокойнее, и он услышал приятный шёпот ветра.

— Ну вот, — сказал Мухтар, — полпути уже проехали.

— Как так? — спросил Хасан. — Вагончик же дальше не идёт.

— Вагончик-то не пойдёт, а мы поедем. На машине.

— А куда ушли эти дяди?

— Они в шахту. А мы на карьер поедем.

— А можно и нам заглянуть в шахту? — спросил Хасан.

— Много ты хочешь, — проворчал отец.

— Оно бы можно. Но нас туда не пустят, — вежливо ответил Мухтар. — Вы с Исмаилом хоть и большие, но здесь порядки строгие. А то, что вы увидите наверху, намного интересней, чем то, что в шахте.

Все четверо вышли на верхнюю площадку, и скоро туда подъехал юркий «газик» с длиннющей антенной. Улыбчивый подтянутый парень выскочил из машины и со всеми вежливо поздоровался. Все расселись, и машина, шумно гудя, поехала вверх по широкой, извилистой дороге.

ДО НЕБА РУКОЙ ПОДАТЬ

А машина эта оказалась не совсем обычной. Это была как бы радиостанция на колёсах с рацией, разноцветными лампочками и телефонной трубкой. Она всё время шумела: то гоготала, то стрекотала, то просто гудела. А дядя Мух-

тар всё же ухитрялся говорить по рации, отдавать приказы, слушать ответы. Он был, оказывается, инженером и выполнял очень важную работу.

Всё это напоминало Хасану один из военных фильмов. Там тоже строгий генерал также передавал по рации приказы, распоряжения, задания.

А машина всё поднималась и поднималась вверх. Уши снова начало закладывать. Хасан достал из кармашка куртки ещё одну карамельку.

А дядя Мухтар между тем успевал говорить не только по рации, но не забывал и своих гостей, особенно Хасана.

— Почему, думаешь, открыли карьер? — спросил он и сам же ответил: — Руды чтобы побольше добыть. Надо снять верхний слой земли, пустую породу. А там взрывай себе потихоньку и черпай ковшами экскаватора богатую руду.

— А в шахтах ведь тоже руда.

— Это верно. Но одними шахтами не обойтись. Большая наша страна, металла надо много. Поэтому ещё и открытую разработку ведём.

— А скоро мы увидим, как гору передвигают?

— Очень скоро. Вон за поворотом прямо на карьер выйдем.

Хасан посмотрел по другую сторону ущелья. Чудо-то какое! Там возвышались горы-великаны, на вершинах которых снег не тает даже летом, и они ослепительно сияли. На них Хасан всегда смотрел снизу. А сейчас белые вершины казались на одной высоте с ним. И много было больших и малых вершин. До самого горизонта.

Карьер, как и горняцкий городок, возник перед Хасаном внезапно. Вдали он увидел несколько самосвалов, которые ехали в сторону экскаваторов.

Мухтар остановился недалеко от огромного экскаватора. Он, этот великан, на глазах Хасана гигантским своим ковшом сгрёб и схватил громадные куски раздробленной скалы и вывалил всё это в кузов только что подъехавшего самосвала. Машина вздрогнула и потихоньку отъехала, усту-

пив место другой. Мухтар с гордостью смотрел на них.

— А знаете,— сказал он,— этот двадцативосьмитонный «БелАЗ» у нас не самый большой. Есть ещё сорокатонные «КрАЗы». Так они называются. У них даже колёса выше, чем наш «газик».

Не успел он это сказать, как из-за поворота появился и сам самосвал-великан. Показалось, что сама гора двигалась в сторону экскаваторов. Его сразу не загрузишь. Поэтому, когда открылась дверца кабины и оттуда вышел маленький человечек, Хасану снова стало смешно, и он засмеялся.

— Миша!— крикнул Мухтар.— Поди сюда, Миша!

И Миша подошёл. Оказалось, что он не только не маленький человечек, но даже был чуть-чуть выше самого Мухтара. Просто он возле своей огромной машины казался маленьким.

— Ну что с новым взрывом?— спросил Миша.— Здесь-то уже почти всё вычерпано.

— Взрыв будет в двенадцать ровно на четвёртом участке. Уже подготовка заканчивается.

— Знакомый участок!— усмехнулся Миша.

— Там гору целиком придётся переставить. Она вся состоит из руды.

— Ну ладно, пока!— сказал Миша и помчался к своему великану.

— Вот про таких парней говорят, что с ними можно и горы своротить. Кстати, во-он там вместо гигантской воронки когда-то тоже была вершина,— сказал Мухтар.

— А где же она теперь?— спросил Хасан.

— Мы её разделили на две части. Пустая порода на отвале, а руда пошла вниз, на обогатительную фабрику.

Тем временем подбежал Исмаил, который что-то нашёл внутри воронки.

— Смотрите, смотрите, какой хороший кусок я нашёл.

— Да, хоть на выставку посылай,— сказал Мухтар.— Это же почти чистый молибден. Видите, как сверкают кристаллики этого чудо-металла?

— Хорошенько посмотри, Хасан, и запомни,— начал Исмаил,— без добавления этого металла не было бы ни рельсов, ни космических кораблей, ни танков, ни вообще самых крепких сплавов.

— А наши деды и прадеды называли его «плохим свинцом»,— вдруг вставил Мухтар.

— А почему?— спросил Хасан.

— Это я расскажу по пути на участок, где через три часа будет взрыв. Теперь садись в машину.

РАССКАЗ О «ПЛОХОМ СВИНЦЕ»

— Наши дедушки и дедушки наших дедушек, чтобы прокормить свои семьи, чтобы одевать их и обувать, занимались в этих горах животноводством и охотой. А что нужно охотнику? Главное, ему нужно хорошее ружьё и патроны. Ружьё — это такая вещь: купил, и на всю жизнь его хватит при хорошем обращении. А вот с патронами было трудно. Их-то ведь много надо. А для горца-бедняка это дело не простое. И тогда стали наши прадедушки сами изготавливать пули для патронов. И свинец они сами нашли в горах. Хорошо и быстро плавится этот мягкий металл. Поэтому отливать пули они научились быстро. Сложным оказалось другое — раздобыть столько свинца, чтобы всем хватило.

Слушает Хасан рассказ Мухтара и начинает понимать, как трудно было людям в далёкие времена.

— Однажды нашли они много свинца — как раз в этих местах.— Мухтар повёл рукой вокруг.— Очень обрадовались, что для отливки пуль его хватит надолго. Можно даже торговать с соседями. Но очень скоро горцы приуныли. Дело в том, что свинец этот никак не хотел плавиться. Грели его и так и эдак. Сколько ценного угля сожгли, а свинец не плавился. Нагревался он так, что не прикоснёшься, но плавиться не желал.

Возились, возились с этим свинцом горцы-охотники,

а потом выбросили всё, что собрали, и прозвали его «плохим свинцом».

Шли годы, и о «плохом свинце» вовсе забыли. Тем более что он лежал высоко в горах. А разобраться и узнать, что это такое, было некому. В старое время присылать сюда учёных никому и в голову не приходило. Так и жили горцы до Октябрьской революции.

И вот в советское время в некогда забытое ущелье приехали молодые учёные-геологи. Много они ходили по ущелью, записывали что-то в свои блокноты, разные камни собирали, с местными мальчишками дружили. А те в свою очередь старались помочь им чем могли: холодный шипучий айран приносили, грузы всякие таскали, а заодно и русскому языку учились. Балкарские мальчишки девушку-геолога Веру называли «Берой» и вместе с ней смеялись над забавными случаями на «уроках» русского языка.

Но однажды юные горцы заметили, что приунывшие геологи собираются в дорогу. Они больше молчали, и лица их были совсем грустными.

Мальчик, по имени Исхак, спросил у Веры:

«Почему ты грустная и куда вы собираетесь ехать?»

«Чему радоваться-то? Работы сделали немало, но вот нужного металла не нашли. Наверно, правы те учёные, которые говорят, что в этих горах ничего путного не найдёшь».

«Как так ничего не найдёшь? Вы же сами собрали столько красивых камней. И я вот ещё принёс».

«Спасибо, дорогой помощник,— сказала Вера.— Что же ты принёс?»

«Это «плохой свинец»,— сказал Исхак, вытащив из кармана куски с серебристо-чёрными крапинками.— Хоть и плохой, но смотри, как он блестит».

Вера потянулась к камню, и вдруг глаза её заблестели, как те крапинки. Она двумя руками схватила камень и побежала в палатку, которую её друзья уже собирались складывать.

Исхак очень удивился и никак не мог понять, что это так обрадовало Веру.

Из палатки она вышла с другими геологами и стала обнимать и кружить Исхака.

«Это же хороший свинец, очень даже хороший, дорогой мой помощник! Где же ты его нашёл? Покажи быстрее это место, где нашёл!..»

«Там, наверху, около во-он того пика. Его там много. Если хочешь, я ещё принесу».

«Нет, мой мальчик. Нам очень много надо, как ты называешь, этого «плохого свинца». И вовсе он не свинец. Это называется молибденит».

«Что это?»

«Потом объясню. А сейчас веди меня туда».

«Это же далеко и очень высоко».

«Веди, родной, если это даже на небе!»

Засуетились все в лагере и отъезд отложили.

Только к вечеру добрались геологи к месту, где был бесценный металл, как они его называли. Он когда-то вышел из недр горы на поверхность и веками лежал никому до сих пор не нужный и неуважительно называемый «плохим свинцом».

Ну, а что было дальше,— закончил Мухтар свой рассказ,— и так ясно. Правда, «плохой свинец» теперь называют «звёздным металлом». Так его назвал дорогой наш кунак-космонавт, который недавно гостил у нас и стал почётным гражданином Долины ветров.

Хасан тоже вытащил из кармана кусок камня с «звёздным металлом» и задумался. Было теперь что рассказать дома ребятам.

Машину вдруг остановили, и сердитый дядя с красным флажком указал, куда ехать.

— Между прочим, ребята, из-за вас мне, кажется, достанется, — сказал Мухтар.

— Что достанется? — спросил Хасан.

— А то, что вы с Исмаилом посторонние, да ещё и дети, забрались на такую высоту. Но ничего, я вас повезу туда, где, наверное, не будут сильно ругать. Тут правила очень строгие. Вот и приехали. Вон на той полянке будете стоять.

— А где взрывать-то будут? — спросил нетерпеливый Хасан.

— Во-он там зубчатую гряду видите? А вот ниже горка. Её-то и будут взрывать.

— И этой горки больше не будет? — почти с грустью в голосе спросил Хасан.

— Не будет, — спокойно сказал Мухтар. — Зато это самое богатое место и много будет руды. Экскаваторщикам скучать не придётся, водителям самосвалов тоже.

Мухтар ещё раз предупредил мальчиков, чтобы они никуда не уходили, а сам куда-то уехал. Близкое солнце ярко светило, но не грело. Отец объяснил, что прохладно от нехватки воздуха. Как-никак больше трёх тысяч метров над уровнем моря.

Это Хасану тоже не очень понятно. «Потом попрошу, чтобы объяснил», — подумал он, любуясь полётом орла. А он, этот орёл, даже не летел. Разве можно лететь, совсем не шевеля крыльями? Он замер над той самой горой, которая вот-вот должна исчезнуть. Ему тоже, наверное, жалко, что взрывают гору.

— А там опасно? — спросил Хасан, обращаясь к отцу.

— Ещё как, — ответил всезнающий Исмаил. — Там тысячи тонн взрывчатки заложено. Кругом красные флажки.

Со стороны участка донёсся тревожный звук сирены и

замолк. Казалось, весь мир затаил дыхание перед взрывом. И солнце замерло, и орёл, и даже суетливый Исмаил успокоился. Ждать пришлось недолго.

И вдруг та островерхая гора разорвалась на части. Бесшумно, как в старых, немых фильмах. Грохот раздался потом, когда макушка горы взлетела в воздух. Хасану показалось, что площадка, на которой они стояли, тоже немножко качнулась.

За тем взрывом последовали другие взрывы, совсем как в военном фильме, только далеко очень. Зато гулкое эхо прокатилось по всему ущелью.

— Ну теперь посмотри, — сказал отец. — Была гора — и нет горы.

— Теперь туда машины-самосвалы пойдут? — спросил Хасан.

— Пока ещё нет, — сказал Исмаил. — Проверят, что и как, и уж потом...

Долго ещё висело облако пыли над карьером. Наконец послышалось знакомое гудение вездесущего «газика» Мухтара. У горного инженера было хорошее настроение. Он всё хвалил геологов. Хорошо предсказали. Хорошая руда открылась.

К вечеру все вчетвером возвращались к знакомому вагончику. А громадные «БелАЗы» и «КрАЗы» спешили на новый участок.

— Я вас провожу до вагончика, а сам вернусь сюда, — сказал Мухтар и снова стал разговаривать по рации, слушать отчёты и давать приказы.

Хасану вспомнился строгий генерал из военного фильма.

Когда спускались в вагончике, небо было уже не синее, а немножко фиолетовое. Солнце зашло за снежный хребет. Но вершины ещё долго хранили яркий румянец от его лучей. Вагончик, кажется, торопится. Вниз-то ему, наверное, легче спускаться. Горняки тихо переговариваются. Устали. Ещё бы! Работать на такой высоте! Хасан не работал — и то чувствовал, что устал.

— Это от непривычки, — объяснил отец.

— От высоты тоже, — добавил Исмаил.

Хасан стоял у окошка на деревянной скамейке, которую утром он почему-то не заметил, и смотрел на город, словно засыпанный огнями. Теперь горняцкий городок не убегал, как утром, а вроде бы поднимался навстречу вагончику.

Хасан представлял увиденное, и казалось ему, что всё это было не наяву, а во сне. В сказочном сне. Скорей бы теперь домой. О тех, кто сворачивает горы, о Мухтаре, о водителе огромного самосвала Мише, об экскаваторщиках и замечательных горняках сначала он расскажет бабушке, а потом всем остальным.

ХОРОШО ПОТРУДИЛСЯ

Когда Хасан приехал из коша, все, кто был дома, бросились его обнимать. Все, кроме отца. Он только пожал руку и серьёзно сказал:

— Ну, джигит, здравствуй. Сразу видно, что побывал в горах. И загар хороший, и силы в руке прибавилось.

Зато долго и нежно обнимала его бабушка. И не жалела самых красивых и нежно-ласковых слов:

— Ах, мой телёночек, как же это так ты похудел! Как же это так ты весь почернел! Ну-ка пошли, я начну тебя кормить, чтобы ты поскорее человеком стал.

— Да он вовсе не похудел. Он просто подрос, — попытался уточнить отец. Но бабушка и не обратила внимания на его слова.

Алим долго смотрел на брата. Видно, любовался. Потом побежал в другую комнату и принёс оттуда новенький портфель.

— Хасан, это тебе купили. Потом ты его подаришь мне?

— Хорошо, — сказал Хасан, — подарю. Только подрасти малость. — Он деловито разглядывал скрипучий портфель, на котором была нарисована замечательная каравелла. На та-

кой каравелле, как говорит отец, сам великий путешественник Колумб переплыл океан и открыл Америку.— Пока пусть полежит, не пачкай.

После бабушкиных хичинов и кружки холодного айрана Хасану очень захотелось увидеться с кем-нибудь из школьных друзей. Он так по ним соскучился, как будто сто лет не виделись.

Но улица была пуста. Хасан пошёл в сторону школы. Двор, клумбы были, как никогда, красивы. Кругом цветы и чистота. Хасан заметил двоих взрослых. Они были в шапочках из газет и сосредоточенно красили школьный забор. Один из них сразу узнал Хасана и громко поздоровался:

— А-а, Хасанчик, это ты? Поди-ка сюда, покажись поближе. Да ты, брат, совсем большой стал!

— Давайте, я помогу вам,— сказал Хасан, узнав Азретова отца.

— Да не хотелось тебя утруждать,— замялся маляр. Но видно было, что он не прочь был и немножко отдохнуть.

— Ты уже устал, дядя Омар, дай мне кисть,— сказал Хасан понастойчивей.

— Пусть потрудится мальчик,— сказал другой маляр.— Это же его школа. Бери, джигит, кисть! Вот, начинай отсюда. До конца забора.

Хасан начал свою работу. Почерневшие дощечки забора прямо на глазах становились зелёными и весёлыми.

— Ты, Хасан, не очень-то спеши. А кисть держи вот так. Это чтобы меньше разбрызгивалась краска. Та-ак, хорошо получается.

После пятой дощечки Хасан оглянулся, посмотрел на улицу. Но, кроме маляров, никто не видел его работу. А он очень хотел, чтобы мимо прошёл хоть кто-нибудь из школьников. Лучше — из одноклассников. Ну да ладно. Он сам потом всё объяснит. Вот, мол, от этого столбика до самого угла сам покрасил. Лишь бы поверили.

Хасан продолжал работать, хотя и чувствовал, как стала

рука уставать. Он уже успел немножечко «покрасить» рукав и лоб. Руки, правда, давно были в краске. Но что поделаешь — дело-то ведь незнакомое. Так сказал дядя Омар, успокаивая Хасана.

А как кисть-то скользит! Хыш-хышт, хыш-хышт... И запах краски такой вкусный.

— Отдохни, джигит, — сказал Азретов отец. — Давай вместе отдохнём минут пять.

«И Махмуту расскажу, — думал Хасан. — И Асхату, и Тамаре... А дальше можно и не рассказывать. Это сделает сама Тамара. Она это умеет. Дома, конечно, тоже расскажу. Так, мол, и так, хорошо потрудился. Кое-что можем не хуже взрослых. Отец будет доволен. Взрослые очень любят, когда им помогаешь в каком-нибудь деле. Даже в пустяковом. Помнится, как с отцом в огороде работали. Картошку сажали. Опять похвалили. А вообще-то разве для похвалы человек трудится? Нет, конечно. Пусть школа будет красивой и нарядной. И всем будет хорошо...»

К вечеру вся работа была закончена. Забор стоял как новенький. Дядя Омар и его товарищ горячо поблагодарили Хасана:

— Если бы не ты, джигит, пришлось бы нам и завтра прийти. Спасибо, дорогой.

— Постой-ка, — сказал дядя Омар. — Ты, кажется, и себя малость покрасил. А за это дома могут и не похвалить. — Он смочил тряпку в керосине и стал чистить Хасана. — Дома всё это отмоешь тёплой водой да с мылом.

Когда Хасан стал мыться, бабушка спросила:

— Козлёночек мой, ты не чувствуешь, что запах какой-то... Керосином, что ли, пахнет?

— Чувствую, бабушка, чувствую. Это я пахну керосином, — сказал Хасан, намыливая свою загорелую шею.

— Ах ты, шайтаном рождённый, опять что-то натворил? Скажи-ка, где ты лазил и откуда принёс этот ужасный запах? — расшумелась бабушка. — И куда тебя, несчастного, носило и когда ты станешь мужчиной?..

Она успокоилась только тогда, когда Хасан рассказал спокойно, подробно и обстоятельно про свою работу — про школьный забор. В это время появились отец, мать и Алимчик.

Когда все сели за стол, бабушка всё вкусное придвинула к Хасану.

— За что сегодня ему такое особое внимание и такая высокая честь? — спросил отец.

— А за то, — серьёзно сказала бабушка, — что он сегодня крепко потрудился. Школьный забор весь выкрасил. А это не так просто. Ешь, мой ненаглядный козлёночек.

ХАСАН РИСУЕТ

Хасан любил рисовать ещё в первом классе. Он рисовал самые разные тракторы. Гусеничные и колёсные, большие и маленькие, но очень похожие на настоящие.

Но скоро пришлось рисовать и другие вещи. И деревья, и горы, и петуха, и корову, и разных прочих зайцев и волков. Однажды он попробовал нарисовать даже своего брата Алима. Правда «портрет» брату не понравился. Оттого, наверное, он смял рисунок и стал его есть. Еле отобрали. Совсем был глупышка этот Алим.

А потом Хасан нарисовал своего друга Асхата. И не просто так, а в летящей ракете.

— Смахивает, даже похож, — сказал Асхат. Хотя из окошка шлема выглядывал только кончик носа и был виден один глаз.

Асхату понравился рисунок, а Хасану понравилась похвала.

Потом он нарисовал толстоногого Махмута и Тамару, у которой, как говорят, телячьи глаза. На рисунке эти глаза стали ещё больше. Вот только косички смахивали больше на рожки. Ротик её улыбался, а на шее — красный пионерский галстук. Тамара попросила, чтобы Хасан подарил портрет. Он это сделал с большим удовольствием.

...Когда до Восьмого марта оставалось всего три дня, Хасан придумал такое, что и самому понравилось. «Нарисую-ка я мамин портрет и подарю ей же в день женского праздника. Вот обрадуется!»

Придя домой, Хасан первым делом хорошенько помыл руки, поел и сразу принялся за дело. Открыл новенький альбом. На белой бумаге стал рисовать маму. На овальном лице первыми появились глаза. Хасан их тут же покрасил в голубой цвет. Потом появились нос и рот. И губы, которые тут же были дорисованы красным карандашом. Мамины волосы не такие чёрные, как у отца. Они медового цвета. Сама сказала. Не так-то просто подобрать такой цвет. Но Хасан старался. К тому же работу приходилось делать тайно.

Мама получилась улыбающаяся. Она всегда красивая. Но когда улыбается, ещё красивей становится. Когда рисунок был закончен, Хасан подумал и добавил ещё пару ресниц на один глаз и пару — на другой. Внизу подписал: «Любимой моей маме». И добавил: «Поздравляю с праздником Восьмое марта!»

Накануне праздника Хасан лёг спать раньше обычного. Даже перед телевизором не посидел, чем удивил старших.

— Чего это ты так рано в постель? — спросила мама тревожным голосом. — Не заболел ли?

— Не-ет. Просто я хочу встать пораньше. Дело есть.

— Тогда ничего, — сказала мама. Но на всякий случай потрогала лоб Хасана и пошла к себе.

«Главное, чтобы она ни о чём не догадалась, — подумал Хасан, засыпая. — Чтобы всё было неожиданно...»

Но утром, когда Хасан проснулся, мамы уже не было. Она, оказывается, ушла на свою ферму. «Ну почему даже в праздник не дают человеку отдохнуть?» — по-взрослому возмутился Хасан. Но скоро понял, что коров надо доить и в праздники, и в любые дни.

«Ага, — догадался Хасан, — это, может быть, даже хорошо. Вручу рисунок прямо на ферме и при других доярках».

Ферма была недалеко. В домике для доярок было шумно

и весело. На столе были цветы. Было видно, что у всех праздничное настроение. Увидев Хасана, женщины притихли.

— Э-э, да это же старший сын Назифы!— сказала одна из девушек.— Поди сюда, Хасанчик, душа моя. И когда это ты так успел вырасти? Ну просто жених, то есть джигит, я хотела сказать.

— Я вас всех поздравляю с праздником!— серьёзно сказал Хасан.

— Спасибо, дорогой!— обрадовалась девушка, и в комнате стало опять шумно и весело.

— А где мама?

— Сейчас подойдёт твоя мама. Никак не может расстаться со своими коровушками. Она же у нас самая передовая. Ну никак не можем её догнать. Ещё одну медаль, наверное, хочет заработать.

— Вы лучше угостите джигита,— сказала доярка постарше.— А то уж совсем засмутился парень.

Тёплое молоко с пряниками, как заметил Хасан, здесь имело особый приятный вкус.

Мама сперва даже испугалась, увидев здесь сына:

— Что случилось, почему ты пришёл?..

Но рот Хасана был занят, поэтому за него ответили девушки-дойрки:

— Да ты не беспокойся. Он пришёл нас с праздником поздравлять. Это же настоящий мужчина!

— А что за свёрток?— поинтересовалась мама.

— Это? Это... подарок. Тебе принёс.

Увидев рисунок, доярки опять притихли. А одна всё смотрела то на рисунок, то на Хасанову маму.

— Назифа-а! И впрямь похожа! Разве что брови подлинней да румянец ярче. А так — похожа...

А когда мама прочитала написанное, то вдруг ей захотелось заплакать. От радости, наверное. У женщины это бывает. Но она не заплакала. Прижала сына к себе и тихонько сказала:

— Ну, спасибо...

ТАИНА ЛИСЬЕЙ НОРЫ

О том, что Хасан и Асхат неразлучные друзья, знают все. Асхат постарше Хасана, но — что там скрывать! — между ними случались порой и ссоры, но это не в счёт. Кто сейчас помнит причину этих ссор? Наверное, никто.

Но зато друзья вместе ходят на рыбалку за пятнистыми форелями в верховье речки. А когда лучи летнего солнца хорошенько прогреют эту горную речку, и купаться ходят они, Хасан и Асхат, только вместе.

Вот почему когда Асхат позвал Хасана в дорогу и не сразу сказал, что за ягодами, тот не стал спрашивать, куда да зачем. Потому что настоящий джигит в таких случаях не задаёт вопросов, а быстро седлает коня. Таков старый, добрый обычай горцев.

Отправились друзья на Земляничную поляну, что за рекой, повыше кизиловой рощи. Не очень далеко, но и близкой в такую жару не назовёшь эту дорогу «с препятствиями». Но когда рядом с тобой хороший друг, и далёкое кажется не столь далёким. И в пути не устанешь, а что не заскучаешь — это точно.

За селом мальчики повернули к мосту из двух плотно привязанных брёвен и перешли на другую сторону речки. А за кизиловой рощей показалась и пыльная тропа на пастбища:

— Лучше бы ты взял плетёную корзинку, чем этот старый портфель, — сказал Асхат. — Все ягоды помнутся.

— Ну что ты! Я же не девчонка, чтобы с корзиночкой, — сказал Хасан, весело размахивая своим смешным портфелем.

— Ну ладно, — согласился Асхат. — Если собираешься домой принести компот, то и портфель сгодится.

— Твой хурджун не лучше, — сказал Хасан.

Асхат промолчал. Потому что слева начался пологий склон, покрытый множеством красных маков. Он не сразу

заметил остромордого и с острыми ушками лисёнка, который перебежал дорогу. Лисёнок на мгновение замер, как следует рассмотрел ребят и юркнул за кустик, что рос у края каменнистого обрыва.

— Видел? — шепнул Хасан. — Посмотри туда, за кустик. Снова показалась. По-моему, лиса.

Ребята направились к кустику, но зверёк исчез. Он не прыгнул с обрыва, не полетел, как те бабочки, что порхали над полевыми цветами. Он просто исчез. Но Асхат знал, что так просто ничто не исчезает, и стал рассматривать траву вокруг кустика.

— Хасан, сюда! Смотри, куда спрятался твой зверёк. Это же его норка-квартирка. Я точно знаю.

— И он там? — шёпотом спросил Хасан.

— А где же ему быть! — сказал Асхат и стал расширять норку суковатой палкой.

А края норы так легко стали обваливаться, будто только и ждали прикосновения Асхатовой палки. Скоро показался край белого плоского камня.

— Как он сюда попал? — сказал Асхат, расчищая тот камень. — Кругом на километр камня не найдёшь.

— А речка?

— Так это внизу.

— Ну и дела... — сказал Хасан и ударил пяткой по краю этого таинственного камня. И тут же отпрыгнул, почувствовав, что камень зашевелился.

— Да погоди ты, — сказал Асхат. — Под камнем доска, что ли, какая-то. Совсем прогнила. Держи-ка за тот край. Теперь вместе — р-раз! Ещё р-раз!

Вдруг камень и куски прогнившей доски упали куда-то вниз, в яму. А оттуда раздался звук удара камня о железо.

— Там что-то есть, — сказал Хасан, пытаясь заглянуть внутрь.

— Это точно. Только ты смотри не провались, — сказал Асхат, осторожно подбираясь к большой чёрной яме, из которой пахло сыростью. — Подай этот обломок от камня. — Асхат швырнул его в яму, и опять — такой же звук.

Вдруг Хасан осмелел и не только подполз к таинственной яме, но и заглянул внутрь.

— Там что-то...

— Так спустись и проверь.

— Ты первый спустись. Сам же твердишь, что старше меня на год и четыре месяца.

— На год и два месяца, — поправил Асхат.

Но всё же сунул голову в эту холодноватую яму. Там, в глубине, чернел какой-то квадратный предмет, покрытый полусгнившим кийизом-ковром. Асхату стало немного страшно. Но когда вслед полез Хасан, ему показалось, что нечего тут бояться.

На дне ямы заблестел маленький ручеёк. Он вытекал из-под чёрного камня и исчезал в противоположной стороне ямы.

Скоро глаза привыкли к полумраку и стало светлей.

— Хасан, похоже, это сундук. Попробуем сдёрнуть кийиз. Возьми с той стороны. Чего это ты дрожишь?

— От холода, наверное.

— А может, от страха?

— Может, может... А ты?

— Ну ладно, тyani,— уже веселей сказал Асхат.

Кийиз весь прогнил, поэтому пришлось его вытаскивать из-под грунта по частям. Под ним оказался большой чёрный сундук с проржавевшими обручами и огромным, в два кулака, замком.

— Вот это да!..— восхитился Хасан, ещё и не зная, что там внутри.

— А замок-то какой большой! Не сразу и откроешь,— задумался Асхат.

— Что тут открывать-то,— сказал Хасан, хватая камень.— Он весь ржавый, еле держится. Смотри, как я открою.

Но с замком пришлось поработать. Ребята колотили его по очереди. Даже не обратили внимания на лисичку, которая выбежала из своей необычной квартиры.

Наконец замок, много лет служивший холодным стражем этого сундука, не выдержал и упал к ногам Хасана. Не просто было открыть и крышку. Но Асхат и Хасан справились и с этим. А внутри — кожаные хурджуны: два больших и один маленький.

Хасан вытащил сперва тот маленький и ножичком отрезал кожаный шнурок, завязанный в узел. И вдруг при слабом свете засияли десятки, нет — сотни жёлтых, почти новеньких монет. И на каждой — голова усатого мужчины.

— Вот это да-а!.. — сказал Асхат.

— А может, они золотые? — сказал Хасан, оглядываясь. — Жаль, если так. На них разве купишь мороженого? Разве что для школьного музея сгодятся.

Монеты собрали обратно в хурджун. Но самое интересное оказалось в большом хурджуе. Кинжалы с цветными камешками на ножнах и рукоятках. Только один из них удалось вынуть из ножен. Очень понравился этот кинжал Хасану. Асхат же тем временем любовался другими чудесными вещами. Это были блестящие чаши с изображениями сказочных чудовищ и змей. Ножки этих чаш тоже были обильно облеплены зелёными и красными камешками. Рядом лежали большие туры рога, отделанные по краям тонкими сплетениями белого металла — наверное, серебра. Что-то подобное Хасан уже видел в Нальчикском музее. Но самое красивое здесь было это — чуть изогнутая сабля с множеством цветных камней на эфесе и непонятными знаками на голубоватом лезвии. Что ножны, что сама сабля — смотри и любуйся...

Другой большой хурджун хранил только женские украшения: серебряные нагрудники и чудно переливающиеся пояса с разными висюльками и тоненькими цепочками. И конечно, множеством красных и зелёных камней, по-видимому драгоценных. А сколько было самых разных серёжек, бус, колец и всевозможных браслетов!

— Давай всё это раздадим девчонкам нашей школы. Вот обрадуются! — сказал Хасан.

— Скажешь тоже! Сначала надо узнать, откуда они здесь. Может, ворованные. А? — задумался Асхат, складывая сокровища обратно.

— Да, иначе откуда бы они здесь оказались, — согласился с ним Хасан. — Такие вещи дома надо хранить. Или в

музее. Да, здесь что-то не то. Не случайно же они оказались в этой тёмной яме.

— Тут без взрослых ничего не узнаешь.

— Без милиции,— уточнил Хасан, примеряя золотое колечко...

Рассказ о сокровищах лисьей норы многих привёл в изумление. Иные вовсе не поверили в «хабары» мальчиков-шутников. Когда же старый сундук привезли и поставили на лужайке перед сельсоветом, его мгновенно окружили и взрослые, и дети. Особенно женщины.

Пока зеваки ахали да охали, председатель сельсовета Мухажир, участковый милиционер Сеит и заведующая сельским музеем Назифа приступили к делу. Они составили точный список драгоценностей, взвешивали и описывали каждый предмет. А потом все трое подписали документ.

А самый старый и уважаемый человек в селе, дедушка Музафар, рассказал удивительную историю, связанную с этим кладом.

РАССКАЗ ДЕДУШКИ МУЗАФАРА

— Мне в те годы было лет четырнадцать. А может, и все пятнадцать. Служил я у князя Али-Ахмата, известного всей округе своей жестокостью и жадностью.— Так начал свой рассказ старый Музафар, искоса поглядывая на чёрный сундук и вспоминая события, почти всеми забытые.— И вот, когда зарево революции достигло и наших гор, князь тот заволновался и весь свой скот, свои бесчисленные отары, повелел погнать за перевал. Табун отличных коней тоже угнал неизвестно куда. А спустя два или три месяца князь и его самые близкие люди вернулись в село поздней ночью с таинственным грузом.

А когда пришла весть, что армия большевиков вступила в Нальчик, князь опять стал вершить свои тайные дела. В полночь из его дома двое мужчин вынесли сундук и по-

грузили его в арбу. Я, как всегда, спал в конюшне и, услышав необычные звуки, припал к щели дверей. А таинственные люди увезли свой сундук в сторону реки. Выйти и проследить за ними я побоялся. Князь мог непрошеного свидетеля убить не раздумывая. Через несколько дней в село вошли красные конники. Но ни князя, ни его слуг уже не было. Говорили, будто Али-Ахмат убежал в Турцию. Лишь спустя год или чуть больше объявился один из его близких людей — Заурбек. Он был весь изранен. А умирая, всё бормотал: «Золото!.. Золото! Много золота...» Люди подумали — бред, и не придали значения словам умирающего Заурбека.

Долгие годы хранила свою мрачную тайну лисья нора. Наконец она вернула народу награбленное у него добро.

А Хасан и Асхат ходили гордые и серьёзные. Ещё бы! Не кто-нибудь, а они нашли спрятанные сокровища.

Уж так позавидовал Хасан отцу, так, как никогда никому не завидовал. Дело в том, что отцу за отличную работу дали путёвку на море. Конечно, Хасан не раз видел море по телевизору и на картинках. И в книжках читал про море с его кораблями и пиратами, с акулами и китами. Про морские сражения, про храбрых моряков и адмиралов тоже немало успел прочитать. Он даже смог бы рассказать о море.

Но всё это разве можно сравнить с настоящим, живым морем? С его могучей волной и птицей чайкой над нею? Нет, конечно, нельзя.

— А когда меня повезёшь? — спросил Хасан каким-то жалобным и тоненьким голоском.

— Тебя? — повернулся отец к нему и вроде бы даже удивился этому вопросу. — А-а, повезём, конечно, повезём. Вот подрасти ещё малость. — Потом он задумался, посмотрел на сына повнимательней и сказал, обращаясь к маме: — А что, если и в самом деле... Люблю разговорчивых спутников. А?

Хасан затаил дыхание. Он почувствовал, какой важный момент наступил. И мама задумалась...

— Ну что ты! Я так боюсь воды. А моря — так давно. Мал он ещё... Даже не знаю, что сказать...

— Боишься, что акулы меня съедят? — нечаянно вмешался в разговор Хасан. — Ты не бойся. Буду сидеть на бережку. Камушки буду считать. И папу буду слушаться. Честное-пречестное слово.

— Знаю я твои слова, — сказала мама, но таким голосом, что Хасан не заметил отказа, хотя и согласия ещё не было.

— Морского воздуха глотнёт, — сказал отец. — Здоровье подтянет. А то видишь какой худущий. Даже акула на него не позарится. Разве что самая голодная.

— О аллах, о чём ты говоришь? И что за глупые шутки, от которых у меня мороз по коже, — возмущилась мама.

Хасан обнял маму за талию и ещё жалобнее сказал:

— Да если хочешь — я и купаться даже не буду. Мне бы только посмотреть на живое море.

Наконец родители договорились. А когда и бабушка согласилась с ними, Хасан от счастья стал прыгать и скакать:

— Еду! Еду на море!

Что в мире может быть прекрасней путешествия! Но вот как прожить целых два дня и две ночи до начала замечательного путешествия? А время будто остановилось. Хоть возьми и подкрути часы. Но Хасан давно знал, что этим делу не поможешь. Оставалось ждать.

И всё же наступил тот радостный момент, который называется началом путешествия. Сели в автобус, который очень скоро довёз их до Нальчика. А там и до аэропорта рукой подать.

Хасану показалось, что с момента, когда он заметил серебристую птицу, и до кресла самолёта опять время почти остановилось. Посидели в креслах. А Хасан всё не мог отвести взгляда от полосатого чулка, который болтался на высоком столбе. Он хотел спросить, что это за штука и зачем её прикрепили к макушке высокого столба. Но тут загрели двигатели самолёта. А ещё через минуту-другую чудо-птица самолёт сперва тихонько, потом побыстрее покатил по своей дорожке. И вдруг Хасан почувствовал, что самолёт уже не едет, а летит. И земля в круглом окошке как-то смешно накренилась. Внизу — дома, что малые кубики, и леса, что лужайки. А вдали — белое облако, которое движется навстречу. Вскоре тысячи облаков образовали под самолётом блестящую равнину. И небо стало вроде бы ближе. Ну просто сказка!

— Чего это ты щиплешь свою руку? — спросил отец, немало удивляясь.

— Проверяю, не во сне ли всё это, — тихо сказал Хасан.

— Не во сне, не во сне! — засмеялся отец.

— А море скоро будет?

— Через час с небольшим, — сказал отец, листая свой журнал.

Не успел Хасан налюбоваться белоснежными горами, как в салоне самолёта появилась улыбчивая и очень красивая девушка в пилотской форме. Она была удивительно вежливая и ласковая.

— Ну как, джигит? — обратилась она и к Хасану, угощая его самой сладкой в мире водой.

Скоро появились светящиеся буквочки над дверью пилотов. Все пристегнули ремни.

— Идём на снижение, — сказал отец. — А теперь посмотри туда. Что ты там видишь?

— Не пойму. Что-то блестит... — совсем прилип Хасан к круглому окошку-иллюминатору.

— Это, брат, море. Оно нас давно дожидается.

— И мы сядем на море?

— Зачем же, — сказал отец. — Скоро аэропорт.

— Я вижу — рыбёшки плавают, — сказал Хасан, вглядываясь в синюю чашу моря.

— Ну а если быть точнее — корабли, а не рыбёшки.

Хасан снова стал щипать свою руку.

А большое и ровненькое море словно само приподнималось навстречу Хасану.

У СИНЕГО МОРЯ

Познакомившись со своей комнатой, Хасан и отец отправились ужинать. Отец заметил, что Хасан всё суетится, всё спешит, и спросил:

— Ты, наверное, сильно проголодался?

— Не угадал. Я просто спешу поздороваться с морем. Уж целый час, наверное, мы здесь, а с морем и не встретились.

И наконец, море! Каким только Хасан его не представлял! А море было совсем другое и такое замечательное, что Хасан задыхался от восторга. На бегу скинув сандалии, он побежал на песчаный берег и, дождавшись волны, стал прыгать и скакать.

— Салам, море! Вот я и приехал к тебе! Отец, отец, ну что ты стоишь! Поскорей входи в воду, море-то тёплое-тёплое! Ну, смелей, не бойся!

Бояться-то, по правде сказать, должен был сам Хасан: ведь не успел ещё научиться плавать. Разве что мог шумно плескаться и брызгать.

— Теперь, джигит, послушай меня,— сказал отец, когда Хасан угомонился.— Сегодня покупаемся просто так. А потом я начну тебя учить плавать. Любой человек должен уметь плавать.

— А ты сперва покажи, как сам плаваешь.

— Что ж, попробую,— сказал отец и нырнул под самую волну.

Хасан смотрел вслед, затаив дыхание. Он продолжал переживать и когда отец вынырнул. И как было не переживать — пловец уходил всё дальше и дальше от берега. Он то исчезал в волне, то появлялся вновь.

— Ну как, джигит?— сказал отец, доставая из сумочки полотенце.— Получается у меня?

— Да, здорово получается,— сказал Хасан.— Только я очень переживал. Боялся, как бы акула не укусила тебя за ногу.

— Ну это ты зря переживал. Здесь их не бывает. Разве что рыбёшки да медузы. И чайки, которые вышли на свою рыбалку. Смотри, как ринулась белокрылая за добычей!

— Поймала! Поймала!— закричал Хасан, заметив в клюве птицы малую рыбёшку.— Вот это рыбак!

На другой день отец и сын пришли к морю пораньше. А волны, такие неутомимые, всё так же лижут кромку песчаного берега и тихо уходят назад, чтобы вернуться вновь.

Хасан залез в воду поглубже, но, ощутив касание какого-то неведомого зверя, мигом выскочил из воды.

А отец смеётся, смеётся, вместо того чтобы пожалеть.

— Ну вот, ты с медузой тоже познакомился. Посмотри повнимательней. Во-он туда. Как красиво висит в воде ранняя купальщица.

К полудню море вроде бы вздулось. Стало похоже на водяной холм. А потом стали приходиться к берегу большие и шумные волны, стали слышны грозные вздохи просыпающегося великана.

— Сейчас, пожалуй, не стоит купаться,— сказал отец.— Подождём более удобного случая. Слышишь, и море говорит: «По-до-ждём...»

К вечеру, правда, море притихло. Устало, наверное. А вскоре отражение красной луны тоже погрузилось в воду и стало бесшумно плескаться.

— Спокойной ночи, море!— сказал Хасан, с неохотой расставаясь с новым и добрым другом-великаном.— Приятных тебе снов!

— Какие уж сны,— сказал отец.— Море снов не ведает. Ему они ни к чему. Это только болото любит спать.

В эту ночь Хасану приснился замечательный сон. Вот он сам на этой лодке с белым парусом, что видел наяву. А вокруг синие, зелёные, голубые волны. Над лодкой — ловкие «рыбаки»-чайки и синее-синее небо.

«Я здесь капитан!»— крикнул Хасан сам себе и морю тоже. И ещё — отражению солнца, которое неотступно следовало за лодкой.

Когда Хасан проснулся, отец уже бегал по дорожке, что вела от дома к морю.

— Ты почему оставил меня?— обиделся Хасан.

— Ты так хорошо спал, что жалко стало будить. А теперь давай вместе побегаем.

— Зачем бегать? Бегать и дома можно. А здесь лучше к морю пойдём, — стал умничать Хасан.

— Сегодня мы можем покататься на прогулочном катере. Это тоже интересно, уверяю тебя, — сказал отец.

И он оказался прав. Хасан по самым настоящим трапам перешёл на катер, поднялся на верхнюю палубу и тут же почувствовал себя настоящим капитаном. Но уже не во сне, а наяву. Пассажиры уселись, заработал двигатель «корабля», и очень скоро прибрежные дома стали превращаться в смешные игрушечные домики. Морской ветер бьёт по щекам, катер то взбирается на водяной холм, то спускается с него, как сани. И снова — холм, и снова...

На этот раз Хасан не стал себя щипать. И так было видно — всё это не во сне, а на самом деле. Одна только была у Хасана забота: ну как обо всём этом рассказать дома, чтобы друзья поверили ему, Хасану. Вот о чём он сейчас думал.

Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста

Гуртуев Эльдар Бертович
КНИЖКА ПРО ХАСАНА

Ответственные редакторы
И. М. Пугачева, Ж. Ю. Давитьянц

Художественный редактор
Т. Ю. Никитина

Технический редактор

Т. П. Тимошина

Корректор

Л. В. Савельева

ИБ № 11805

Сдано набор 27. 05. 90. Подписано к печати 27.06.91.
Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обычный. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 22,82. Уч.-изд. л.
7,44. Тираж 100 000 экз. Заказ № 325. Цена 2 р.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Министерства печати
и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.
Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Мини-
стерства печати и массовой информации РСФСР. 170040,
Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.